

Александр
Курмузаков

Тень ивы

Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Курмузаков

Тень ивы

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Курмузаков А. Н.

Тень ивы / А. Н. Курмузаков — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Эту книга - детектив, и мистическая история, и новая легенда о Гансе Крысолове. Вместе с тем - правдивая история о любви,ненависти и предательстве в судьбах людей последних десятилетий, – времени, которое серьезно испытало каждого из нас. Сколько остается в нас человеческого, если мир вокруг живет по законам стаи, можно ли считать преступление благодеянием, всегда ли мораль или иной свод правил – абсолютная ценность? Может быть, что-то прояснит и текст романа. Для этого, конечно, нужно дочитать книгу до конца – и это, наверное, главная задача, которую я ставил перед собой, когда писал «Тень ивы». Содержит нецензурную брань.

© Курмузаков А. Н., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Тень
ивы

Роман

The part of life we'll compose for a person is far more interesting than the one we know. This revelation has come to me from a great love of my youth, Coney J. Like all of us, the volunteers of the Society, she was not a rich person. But when I came to visit her in Vancouver, where she lives, for the first time, she rented me a hotel room. She said it was her aunt's free-ownership. She hadn't got not any aunt! The room was nice – she paid \$ 400 a night for it, I asked: why? I could live at your place. She said: then, nothing would be left of me. You will know every single thing. Note: not "I will be entirely opened", but "I'll disappear".

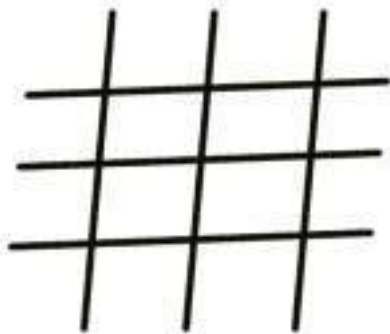
(Из письма Алексея Боровицына (лицо без гражданства)

Кристин Бэрлоу, смотрителю Международного Фонда помощи

особам королевской крови.)

**Константин Жнец.
Не покушаясь на вечное.**

Нарисовал три горизонтальные полосы. Перечеркнул их тремя вертикальными. Показал Боцману.

- Это ты, Боцман.
- Я тебя, художник, сейчас в голову ударю. Я же портрет велел.
- Я объяснил, я архитектор. Рисую линии.

Боцман был за главного в камере следственного изолятора, где кроме него и Жнеца лежали, стояли и сидели еще девять человек подследственных, которые в момент этого небольшого худсовета примолкли.

– Смотри: полосы вдоль – это твоя тельняшка, полосы поперек – это решетка.

Боцман покрутил седоватой головой, посмотрел на сигаретную пачку, где красовался иероглиф с его «портретом», потом на Жнеца, внутренне готового к удару в голову. Боцман

усмехнулся, в ту же секунду и камера вздохнула, зашевелилась, кто-то хохотнул. «Избиение отменяется», – понял Жнец.

– А верняк я, – оглаживая безрукавную тельняшку, беззубо улыбнулся Боцман, – полжизни, пацан, в море, полжизни в тюрьме.

Еще через пять минут он знал про «бродягу по жизни» Боцмана, что взяли его не за дело, что братва на воле делает все, чтобы «открыть» его в ближайшие часы, а вот у архитектора дела серьезные, выкатывают ему мусора обвинение в предумышленном убийстве. Шел уже девятый час, как за Константином Жнецом закрылась дверь камеры, а казалось: полжизни прошло, плохой, нездоровой, полной самых дурных ожиданий. Такой, какой и не было никогда.

Он успел подремать стоя, увидел во сне себя, плывущего по речке Сытьве к берегу, видел впереди купола Новогорского монастыря, видел на берегу одинокую фигуру девушки, которая никак не становилась ближе. Так он и не узнал – кто она, его толкнул в плечо Боцман.

– К следователю, архитектор.

Следователь ему понравился. Смотрел спокойно, но с любопытством. Но уж вопросы, конечно, вывели из себя сразу. Каждый провоцировал на дерзкий ответ в духе старшеклассника с последней парты.

– Где вы были 26 августа этого года с 20 до 24 часов вечера?

– Не помню.

– Постарайтесь вспомнить, гражданин Жнец.

– Никогда не был женат. Теперь знаю – почему.

– Почему?

– Она бы все время спрашивала.

– А как же многочисленные женские вещи, найденные на втором этаже вашего дома?

– Вы думаете – ворованные?

– Может быть... архитекторы – люди небогатые. А может, они принадлежат вашей гражданской жене.

– Может быть. Может, даже я ей принадлежу. Только ее нет. Может, еще не родилась на свет, может, умерла, это одно и то же.

– Вы напрасно так разговариваете, гражданин Жнец. Я бы оставил этот тон, легкомысленный. Вас в убийстве подозревают.

– Он не легкомысленный. Вы поставьте себя на мое место, товарищ...

– Товарищи все в мавзолеях.

– Хорошо, господин...

– Гражданин следователь.

– Гражданин следователь. Меня арестовывают среди бела дня, сообщают об обвинении в убийстве человека, которого я не знаю, сажают в тюрьму, при этом я не могу никак защититься от абсолютно безумного, безосновательного обвинения.

– В соответствии с законом защита вам будет предоставлена уже сегодня. Напомню: ваше содержание под стражей не превысило еще и десяти часов.

– Неужели?

– Ваша задача вместе с вашим адвокатом – представить доказательства того, что вы невиновны. Иначе пока вы сидите здесь с полным основанием, и по закону вас, как подозреваемого в убийстве, против которого существуют улики, следствие вправе изолировать. Думайте, вспоминайте. Напоминать, что признание в преступлении поможет вам рассчитывать на снисхождение суда, наверное, не стоит. Вы, так я понимаю, человек с образованием.

После этого старший следователь управления уголовного розыска городского отдела полиции Игорь Гарпунов решил повспоминать про эти самые улики, про место происшествия, не утруждая себя объяснениями – почему. Он молчал, клацал клавишами компьютера, разглядывал свои руки и смотрел в стену поверх головы Жнеца.

«А ведь ты ждал, голубчик, что окажешься в тюрьме, – подумал о себе в третьем лице Жнец. – И даже все вроде встало на свои места, если не считать ужасной камеры. Этот Бецман, он же смотрел на меня во все глаза, когда я на параше сидел. Шоу, бля. Надо ему сказать, что я со Снарядом в друзьях. В корешах. А вдруг он из другой команды? Снаряд. Ему-то я и сказал, что по мне тюрьма плачет.»

– Вспомнили? – вернулся к нему следователь.

– Да. То есть нет, ничего относящегося к делу.

– Ну-ну, в камеру. В камере лучше вспоминается.

Гарпунов вызвал пристава и, заметив, замешательство Жнеца, потянул его со стула за руку и подтолкнул к двери.

– Вспоминать, гражданин Жнец, вспоминать.

Гарпунов получил по e-мэйлу описание первого осмотра места происшествия, составленное оперативными работниками уголовного розыска. Гарпунов там был двумя часами позднее. Ничего сильно отличающегося от того, что заметил для себя и сам Игорь, он в протоколе дежурных оперативников не вычитал.

Квартира, если ее можно считать квартирой, представляла из себя высокий холл цокольного этажа, в котором когда-то располагалось помывочное отделение общественной бани. Вход в помещение отсутствовал, парадное вело сразу на второй этаж двухэтажного здания, где размещалась мастерская по ремонту и обслуживанию кондиционеров. А со двора в эту бывшую помывочную можно было попасть через замурованный в стену прицеп-трейлер, как будто бы стоящий сам по себе и сам по себе служащий кому-то жильем.

Помещение поражало простором, светом, льющимся через высокие окна, заложенные рифлеными стеклянными кубиками голубоватого цвета, а также мозаичными панно на стенах, выполненными в стиле соцреалистического «ню». Крепкие краснотелые дамы обливали из амфор античной формы таких же крепких и румяных девочек в возрасте пионерок, но, естественно, в голом виде не имеющих политических признаков. Присутствовали на панно и дяди, олицетворяющие мужскую мощь, направленную на благое дело отмывания подростков. Хотя группы мужчин и женщин занимали строго противоположные стены, все они были породственному похожи друг на друга, что вызывало мысли о нудизме, нимфетках, шведских семьях и прочей гадости, которая автору этих панно, конечно, и в голову прийти не могла.

Хозяин квартиры – потерпевший, как сообщалось в протоколе осмотра, «без определенных занятий, по виду 60–70 лет, роста среднего, телосложения худого. Тип внешности – восточный, близкий к монголоидному». Он явно знал цену этим мозаичным панно со следами позолоты и благородно тусклой смальты.

В зале ничего не мешало обзору этих панно с любой точки: мебель – круглый стол, кровать без спинок и кресло – группировалась вокруг огромного – под потолок – кофейного дерева, растущего из красивой кадки цвета сандала, стоящей в самом центре жилища.

«Тело жертвы глубоко усажено в кресло с высокой спинкой мягкое и мягкими подлокотниками, голова опущена на грудь, в левой лобной части головы след от огнестрельного ранения округлый. Следы крови в значительном количестве – на плече и майке без рукавов, спортивных трусах, в которые был одет убитый. Следы борьбы отсутствуют. Орудия убийства (орудие убийства) отсутствуют. Убитый – гражданин Российской Федерации Ивхав Мохаммедович Мнвинду, уроженец п. Горный Итурупского района, Курильской области, год рождения 1946. Паспорт найден в кармане демисезонной куртки, висевшей на вешалке, стоящей в прихожей, которой служил домик-прицеп автомобильный типа «Адриа-78» (производства Югославия). Опознан гражданкой Косулей Риммой Владимировной, которая является бывшей женой убитого. Проживает отдельно, по адресу: Маршала Чутко, 18, кв. 24. Сведения о ней извлечены из паспорта жертвы, где указаны сведения о заключении брака и расторжении брака с убитым».

Жена по фамилии Косуля была первой, кого допросили оперативники. Сведения сообщила скудные: с убитым давно не жила, отношений не поддерживала, о его образе жизни представление имела приблизительное.

Игорь пробежался глазами по страницам своей докладной о ходе расследования, которую собирался отнести своему начальнику. «Ничего существенного, – подосадовал про себя Игорь, – подозреваемого тут нет, нет этого архитектора, и жертвы тоже нет. Одни призраки.» Начальник городского управления угрозыска всегда торопил с результатами, так что Игорь сложил отпечатанные листы в папку и отправился на доклад.

Больше интервалы здесь и далее между подзаголовками

Из заявления в Управление внутренних дел Центрального административного района гр. Мнвинду Р.И.

Убить моего отца Мнвинду Ивхава Мохаммедовича угрожал Жнец К.В. после того, как мой отец, Мнвинду И.М., обещал Жнецу отомстить за то, что Жнец изнасиловал меня 3 июля сего года.

Изнасилование меня Жнецом произошло во дворе его собственного дома по улице Факельной, где он овладел мною в результате борьбы. Затем гр. Жнец силой заставил меня войти в помещение дома и повторно совершил насилие в особо извращенной форме.

После совершенного насилия гр. Жнец заставил меня тщательно вымыться. Чем и объясняется то, что я не стала проходить медицинское освидетельствование сразу после насилия.

Мой отец, Мнвинду И.М., обращался в полицию по поводу моего изнасилования, но у него отказались принимать заявление, и он пообещал гр. Жнецу, что убьет его.

Сообщаю дополнительно, что во время принуждения меня к половому сношению гр. Жнец угрожал мне не только собственно действием, но и пистолетом. Во время полового сношения, совершенного с особо извращенной формой, он также использовал пистолет.

Игорь Гарпунов.

Все в двух экземплярах.

Начальник управления Николай Серафимович по фамилии Петров, по прозвищу Петров-Петров, был, на удачу, на месте и один. Маленький, хмурый, бледный, оттененный в синь цветом мундира, он получил свой псевдоним за манеру повторять по два раза фразу, кажущуюся ему важной. Хотя Игорь был уверен, что это шло от желания потянуть время и обдумать ответ.

Игорь решил, что торопится Петров потому, что хочет, главным образом, подтвердить правильность своего решения о заключении подозреваемого под стражу. Арестовал-то Жнеца именно начальник управления, причем, как полагал Жнец, взял это дело под свое крыло потому, что считал все там ясным и решенным.

Застал его Гарпунов не в лучшем расположении духа: Николай Серафимович читал, надев очки, что было следствием нервности. Почитающий себя молодым начальник управления прилюдно очками не пользовался, даже если надо было воспроизводить длинные тексты с корявыми фразами вроде «в порядке приостановления постановления», заучивал их наизусть.

– Как там доказательная база по архитектору? По архитектору? – спросил Петров, сняв и спрятав очки и отодвинув одинокий листок, в который вчитывался, в дальний угол пустынной поверхности стола. Для прочтения принесенных Игорем бумаг Петров очков уже не надел, только отставил от себя подальше.

– Ну? Ну? Ну-ну, – то ли спросил, то ли согласился с написанным Петров-Петров.

– Все вроде ясно, – бодро начал Игорь, – но...

– Что «но»?

– Мотив мне не ясен. Пока.

– Ну, по личности подозреваемого, понимаешь, понятно. По личности подозреваемого много, понимаешь, понятно.

– Ну да, он, конечно, не ангел. Барин такой, деньжата водятся. Хотя всего-то архитектор. Особняк, бассейн, автомобиль – все при нем.

– И улики!

– Да. Пистолет Макарова, орудие убийства гражданина Мнвинду, обнаружен у подозреваемого в доме, экспертиза подтвердила, что отпечатки пальцев на пистолете принадлежат подозреваемому. Алиби на время убийства нет. Но...

– Опять «но»... Ты уже говорил «но»!

– Мотив, Николай Серафимович. Можно попытаться поверить написавшей об изнасиловании дочери убитого – гражданина Мнвинду. Она излагает так: отец угрожал расправиться со Жнецом, возникла ссора, и... подозреваемый оказался быстрее. Но знаете, у этого Жнца, подозреваемого, нашли в компьютере несколько съемок по меньшей мере двух девушек, женщин точнее. Эти видео подозреваемый делал сам, когда занимался с ними сексом.

– Ну и что? Ну и что?

– Красивые женщины, Николай Серафимович, причем видно, что очень довольны, моментами даже счастливы. Зачем ему кого-то насилловать?

– Вот, в том и дело! Он начинает с одной, с другой, с третьей, считает, что с ним каждой за счастье переспать! А каждая – ты же понимаешь – даже с Филиппом Киркоровым не станет. А уже не понимает, в раж вошел! В раж вошел! Вот и накинулся на ту, которая посмела отказать. Ту, которая посмела отказать!

– Тогда почему она написала об изнасиловании после того, как отец был убит?

– Переполнилась чаша терпения. Чаша терпения, понимаешь, наполнилась – и она решила спрятать в карман свое стеснение, гордость. И потом, ты видишь, она пишет, что отец сам пообещал ей разобраться с насильником. Теперь отец убит – разбираться некому.

– Возможно.

– Ее вызывай срочно.

– Обязательно.

– А другие мотивы давай прикинем. Что за птица убитый?

– Жил скромно. Пенсию получал минимальную, по инвалидности. Ценностей никаких у него не обнаружено. Нашли, правда, какие-то тетради с цифрами, они у наших экспертов. Но там – как в школе: сложение, вычитание. Конкретики не хватает. Даже если это какие-то бухгалтерские записи – времени на расшифровку надо много.

– Ты мне про время не говори. Ты мне про время не говори, потому что надо срочно это дело закрыть. У нас, понимаешь, очень много другой работы навалилось.

Петров встал, прошел вдоль приставного стола, за которым сидел Игорь, и подсел на соседний с ним стул.

– А наркотиками он, случаем, не приторговывал, этот убитый? Ну, или потреблял? А этот, архитектор, приторговывал, а? – спросил Петров, пытливо взглянув в лицо Гарпунову.

– Судя по всему, нет, – быстро ответил Игорь, зная заранее, что преступления вокруг торговли наркотиками – давняя любимая тема Петрова, которая сейчас отошла к другому ведомству.

Хотя, конечно, «кокс» вполне вписывался в образ жизни подозреваемого, как себе его представлял Игорь: на этом самом видео, где Жнец развлекался в круглом домашнем бассейне со смуглой гибкой девчонкой, они не разлеплялись так долго, что Игорь подумал: нюхнули оба.

У начальника управления, показалось, болело другое: как выяснилось, с убийством пенсионера ему хотелось побыстрее развязаться.

– У нас люди пачками пропадают последние год-полтора. И следов, интересно, нет. Причем, понимаешь, народец такой все больше из наркозависимых, за которыми наши герои из других контор присматривают. Ну и, конечно, наверх докладывают: не работают здесь с этими преступлениями оперативники, полиция, вроде того что, в стороне. В стороне! Мне плешь проело руководство: давай разберись хотя бы по одному факту исчезновения.

– Но я слышал, каких-то людей находят. Те, кто находятся, они что-то говорят: в плену их держали – может, с целью выкупа за долги.

Петров скрестил на груди руки, поднял лицо к потолку.

– наших это не интересует, понимаешь! И прокуратуру не интересует! Я целую пачку дел запросил! А они у двадцатилетней девки, которую родители три месяца искали, не смогли узнать даже, где она была. Даже где была!

– Молчит?

– Да нет. Говорит: в больнице. Адреса не знает, имен не помнит, лиц не видела. В общем, художественная самодеятельность. Прокурорские смеются, им в радость.

Он снова встал, вернулся к себе за стол.

– Давай, Гарпунов, сворачивай со своим архитектором. Надо сюда переключиться. Пройтись, понимаешь, по следам лично. Оперов повидать, самому посмотреть, где, может, они зевнули, а где и должностные преступления имели место. Понял?

Анатолий Нарядов. Мясной микрофон.

– Принц Чарлз, что ж... Тоже понять *мужика* можно: без пяти минут король, а вечно на втором плане. То с Дианой его полоскали – а кто она такая? Не король же была она, полюбому. То с Камилкой. Она-то, понятно, принцем захотела пожить, а вот он? Вот время жалко, а то бы купил билет до Лондона да своими бы руками задушил эту старую сумку.

Анатолий Нарядов, больше известный как Снаряд, рассуждал в обычном своем духе, проскользнуло только редкое в его обиходе слово «мужик». Чаше население планеты, достойное его рассуждений, он называл «пацаны».

Беседа складывалась как раз в нужном для Жнеца направлении. Убийство как каприз. Убийство одного из симпатии к другому. Но все-таки Жнеца удивило внимание Снаряда судьбой звездной персоны.

– Ты, Анатолий Сергеевич, так говоришь, будто сам пострадал от папарацци? – осторожно спросил Жнец.

– А сейчас что делаю? – развел руками Снаряд, приглашая оглядеть просторы своей усадьбы.

Широко, как меха баяна, дом Снаряда развернулся по косоугру. Два этажа, облицованные по фасаду сколом енисейского гранита, подпирали четырехскатную крышу, крытую дубовой черепицей. Пологие скаты поддерживали линзовидный стеклянный купол. Футбольные по размерам и качеству газоны по склонам холма, на котором стоял дом, упирались в предмет, о котором, собственно, и говорил хозяин. Высокий, более чем трехметровый, глухой забор из красного кирпича тянулся к горизонту, был как раз платой хозяина за желание не выставлять свою жизнь на осмотр и обсуждение людей.

Получалось как раз наоборот. Люди по соседству жили небедные, но и их, как известно было Жнецу, этот забор повергал в сомнения относительно своей состоятельности.

Жнец в этом поселке в ближнем пригороде придумывал, прорисовывал, проектировал многие дома, стремясь соединить в проекте свои представления о функциональности и вкусе

с запросами заказчика. Как правило, безуспешно. Вот этот необработанный гранит – материал надгробных плит и партийных трибун – был избран для цокольного этажа лично Снарядом. И дубовая черепица тоже активно оспаривалась архитектором. Жнец, как автор, предполагал, что стеклянная крыша в форме линзы должна была опираться на гладкий четверик, облицованный металлическими панелями, нисходящими к стенам. Это решение цитировало венец православной церкви, но было исполнено в ультрасовременных материалах.

– Не боишься, что крышу тебе подожгут? Тут одного коктейля Молотова хватит, – спросил Жнец Снаряда, когда разглядел подмену материала на крыше.

– Из-за забора завистники не добrosят. А которые добrosят, то пусть горит. Это чемпионы. Для них не жалко, – обреченно кивнул Снаряд, давая понять, что от судьбы не уйти.

Он знал, что это такое.

Лучи ослепительной славы коснулись Анатолия Нарядова не в момент его наивысшего влияния и богатства, а совсем в другие времена, когда был он школьником и тогда узнал на себе, что такое завистники и недоброжелатели.

В те времена закатилась, но еще не забылась звезда Робертино Лоретти, бросая свет то на мальчиков Осмонд, то на мальчиков по фамилии Джексон (числом пять). Да и у нас редкий праздничный концерт по телевизору обходился без детского хора с благообразным мальчиком-запевалой.

Толик Нарядов не конкурировал с мальчиками с ангельскими голосами, потому что обладал густым оперным басом чудесного тембра «Федор Иванович отдыхает». Голос контрастировал с его чрезвычайно нежным видом: у Толя («Толь» звали его и дома и во дворе), выросли голова, туловище, а руки и особенно ноги расти не хотели. Когда музработник завода искусственных кож Аида Опанаева, где в вокальной студии занимался мальчик, играла драматическое вступление из арии Дона Карлоса, Толик потрясал своды актового зала завода своим чудесным «соль» контроктавы. Аида закрывала от удовольствия глаза. Контраст между тщедушным мальчиком и его могучим голосом действовал особым образом: люди, облеченные влиянием (а известно, что и среди них есть родители), становились в момент его пения четче профилем и острее взглядом.

Градоначальник, например, услышав на торжественном открытии какой-то очередной песочницы «Бухенвальдский набат» в исполнении юного Шаляпина, поднял Толика на руки и сказал в микрофон: «Да с такими молодцами нам никакой француз не страшен!»

При этом, конечно, он имел в виду не нашествие модных французских песенок, а подвиги воинов под управлением Михаила Кутузова. Потому что и другим могучий голос навевал память о других военачальниках от князя Олега до Моше Даяна. В силу длительности карьеры мальчика – а он концертировал без малого восемь лет – его знал весь город, население соседних городов, и не только соседних, и не только городов, потому что в селах у нас любят всякий природный выверт не меньше.

Заведующая городским отделом культуры Ангелина Круль, опекавшая Толю больше чем мать родная, в одном из интервью местному ТВ сказала о приглашении Толи в Брюссель на Всемирный детский музыкальный конкурс, с которого должна начаться мировая слава Анатолия Нарядова. Соответствующая процедура отбора должна пройти в течение ближайшего времени, для чего международные специалисты должны прибыть в город и оценить вокальный аппарат ее подопечного.

И это, оказалось, не фантазия. Приехавшие – две сухопарые дамы средних лет, из которых только одна говорила по-русски – около трех часов слушали все подробности концертной программы удивительного мальчика-баса. Несмотря на то, что обсуждение пения звезд под фонограмму в то время не имело такой болезненности, как в более поздние времена, горожане, конечно, болели за ребенка, в истинный талант которого они верили столько лет.

Аппарат ребенка оказался в порядке, о чем дамы-эксперты сообщили и руководству городской культуры, и самому юному артисту. Причем настолько в порядке, что когда Толя и его аккомпаниатор решили отпраздновать победу и приглашение на Всемирный фестиваль, они не стали искать комфорта и просто остались в малом зале филармонии «с ночевой».

Наутро сначала гардеробщики, затем последовательно комендант и руководители культуры пытались попасть в зрительный зал, где остались соискатели, и не могли: изнутри было заперто очень основательно.

Двери решили не ломать, хотя мнилось всем в зловещей тишине самое худшее. Призвали пожарных, которые с улицы добрались до высоких окон второго этажа, разбили стекло, открыли двери, заложенные изнутри продетой через бронзовые дверные ручки металлической стремянкой.

Трое пожарных поспешили распахнуть двери перед руководителями культуры, бившимися за дверью как майские жуки в спичечном коробке.

Ворвавшаяся первой тучная заведующая отделом культуры города Ангелина Круль вдруг остановилась и качнулась телом назад, в сторону сопровождавших ее мужчин – администратора концертного зала и директора филармонии, и они подхватили ее под руки.

И было от чего обмирать. На сцене, на возвышении, предназначенном для дирижера, вповалку лежали обнаженные немолодые тела двух сухощавых дам – иностранных экспертов по детскому басу, а поверх них – тоже нагое коротконогое тело фавна Толи Нарядова.

Композиция была настолько неподвижной, что поначалу руководительнице городской культуры показалось, что смерть всей группы наступила от неимоверного количества спиртного – бутылки уставляли все подходы к дирижерскому пюпитру. Потом все обратили внимание на внушительных размеров мужское достоинство мальчика-самородка, которому жизни прибавляла могучая эрекция. Мальчик явно не спал!

И это подтвердил женский голос из-за кулис:

– Толик, ты заебал!

После этого из-за кулисы появилась голая пышнотелая аккомпаниаторша Толи. Аида Опанаева явно не замечала пожарных, скромно отводивших глаза, а также культработников, скрытых за светом софитов.

– Вставать пора, начинать пора, кончать пора! – сказала Аида, пьяно покачиваясь, подошла к Толе, присела на корточки и взяла его член в руку.

– Не-е-ет! – закричала Ангелина Круль, так что один из пожарников, помоложе, присел.

– Не-ет! – еще раз громко, но коротко рявкнула заведующая, развернулась к дверям и, уходя, обернулась к пожарникам, почему-то приказав:

– Арестуйте их! Арестуйте их всех, что вы стоите?

Но пожарники, а также мужчины «от культур» стыдливо отводили глаза, но из зала не уходили.

Наконец Аида, неловко прикрываясь рукой, растолкала всех спящих и, кое-как их поддерживая, буквально уволокла за кулисы. На прощание она поклонилась. Пожарные зааплодировали.

– Безобразие! – прорычал завотделом и быстро вышел из зала, за ним – администратор.

Увы, эта оценка была окончательной и относилась не только к эпизоду, открывшему подлинный возраст юного артиста, но и к его вокальному дарованию. Согласитесь, был мальчик или взрослый карлик – замечательный голос все-таки существовал. Теперь, правда, уже вызывал совсем другие чувства.

– Есть ли у тебя бойцы, Анатолий Сергеевич, надежные?

– У нас клерки, Константин Васильевич, – насторожился Снаряд, – какие бойцы? Здесь охрана. В управлении – генеральный директор, директора направлений.

– Ты знаешь, я бы просто так разговор не завел.

– Не темни, я понял.

– Человека одного надо... это. На тот свет отправить. Мне надо.

– Вот как, – Снаряд приблизил свое лицо к лицу Жнеца, переводя быстрый взгляд с одного зрачка на другой. – Ты, может, не поверишь, а ведь я не по этому делу. Да и смекни, как можно быть по этому делу? Эти, *киллера*, что ли, пачками услуги предлагают, а? Убийство, брат, это когда так приперло, что самому убивать надо. Сам никому и не доверишь.

– Меня приперло.

– Не, ты не знаешь, как это – когда приперло.

Нарядов знал. Позор мальчика-самородка был тем более велик, чем более велика должна была быть его предполагаемая всемирная слава. «Злобный карла», «Карлик Бас», «Квазимодо» и даже «Мясной микрофон» – самые распространенные обращения к Толе Нарядову в течение года, последовавшего за крахом его детской карьеры. Пришлось ему переквалифицироваться в обыкновенного старшеклассника, да еще и отстающего по всем предметам. К чести родителей Толи, обычных работников автобусного парка, и прежде относившихся к его «концертам» с большой неприязнью, они приняли его возвращение к будничной жизни как большой для себя подарок. Обычную для наших людей настороженность ко всякого рода гиперувлечениям типа участия в секте, сменила понятность. Парню надо учиться, догонять программу за последние три класса, потом – армия: не урод же он, в конце концов, какого из него делала эта корова Опанаева.

Не все было так просто. В школе Толю воспринимали как постоянный и благодарный объект для насмешек, издевательств, пинков и затрецин. Перевод в другую школу ничего не дал: уже на второй день физрук сказал по поводу недостаточно быстрого, прямо сказать – коротконого – Толи:

– Нарядов, че тормозишь – киль твой по земле скребет?

И класс, даже девчонки, с пониманием засмеялся, прошелестело: «Скребет...» – с эхом. Толик убежал с урока и уже на следующий день в школу идти отказался.

Отец опять отнесся к этому спокойно и рассудил, что образование – по тогдашним временам (а это был уже конец 80-х) штука неприбыльная, и взял сына на подсобные работы в кузовной кооператив, который как раз развернулся при их АТП.

Там отца уважали, в его присутствии никто Толе про «микрофон» не напоминал. Работы было огромное количество, должно было только силушки хватать. Толик пошел качать железо, которое, как оказалось, в течение рабочего дня ему не надоедало.

Простая система получения денег: деньги – против работы, простые показатели результата: я сильнее – значит я прав – очень скоро сделали Нарядова человеком с большими связями и большими сведениями. Достаточно сказать, что все угнанные машины с «перебитыми» в их мастерской кузовными номерами он фотографировал, запоминал подробности, записывал, и хранил все это дело в одном ему известном месте. Скоро стали подгонять ему такие данные и из соседних городов и областей. Процветающий бизнес угона и продажи заграничных «тачек», в котором крутились огромные суммы и высокие люди, был взят Толей Нарядовым в свои руки к четвертому году его работы на скромном посту жестянщика автомастерской. Без обычной в те годы стрельбы, арестов, ментовских или братковских «качелей».

Столичное расследование с участием Интерпола как-то привело в их город: искали машину российской знаменитости, похищенную в Аахене. Для дачи показаний пригласили Нарядова. Накануне его визита в полицию к нему один за другим наведались местный вор Бабай и начальник автоинспекции Криваев, каждый по-своему намекая на возможные последствия для Нарядова в случае его говорливости. И тому и другому Толик-Снаряд, как его называли все чаще – просто показал на дверь. А милиционерскому чину напоследок еще и стукнул кулаком по капоту его «уазика» так, что осталась вмятина.

Через день после того, как Нарядова вызвали на беседу приезжие следователи, оба – и Бабай и Криваев, не сговариваясь, предложили Снаряду делиться своими доходами от всех автомобильных перегонов. А еще через год условия «делюги» и тому и другому ставил Снаряд.

От тех лет не осталось никого и ничего – ни Бабая, ни Криваева, ни авторемонта, ни гонял, разве что Снаряд открыл дилерский центр для младшего брата Богдана. Сам он прикупил доломитовый карьер, на базе которого росло его дело: цементный комбинат, стеновые и потолочные панели.

«Все можно поменять в своей жизни, но люди вокруг тебя окажутся точно тебе под стать,» – подумал Жнец, глядя на по-особому сидящего на корточках рабочего, чистящего бассейн, на двух немодно татуированных теток в черных кожаных комбинезонах, которые выносили из недр дома большие клетки с цветастыми попугаями.

– Я тебе не помощник в этом деле, причем твою же душу берегу, не свою. Стой ты от этого подальше.

– Ты извини, – вскипел Жнец, – я не на исповедь пришел. Мне больше не у кого спросить. Я же вижу, кто тут у тебя трется! А ты мне рассказываешь, что у тебя ни одного стрелка нет.

– Я тебе про Фому, ты мне про Кремль. У меня есть, но это у меня.

– А у меня – нет, но есть деньги. Или что надо? Ты думаешь, что от меня куда-то пойдет? Да ты сам про меня знаешь столько, что мне на остатки дней сидеть. А также лежать и стоять. Ведь я, например, не говорю, что ты пойдешь про меня рассказывать.

– Ты бы слышал, что ты говоришь. В голове-то не отдается? Дурь.

Помолчал. Крикнул в дом: «Хильда, сделай громче!» С некоторых пор любил Снаряд оглушать окрестности совсем-совсем народными напевами.

Как у нас в колхозе,
Баб ебут в навозе,
Баб ебут, они пердят,
Брызги в стороны летят.

Снаряд прищелкнул пальцами на последних строчках.

Жнец правил Снаряда не знал, но по наблюдениям понял, чему он следует. Опрошение, бля. Галстуков не носить никогда, никаких, тем более – кис-кис. Никаких иностранных слов, в том числе в названиях жратвы, приемов, клубов, никакой музыки, никаких баб, вообще никаких, никаких детей. И не мстил Снаряд, к примеру, тем, кто обижал его в юности или перешел дорогу в новые времена. Снаряд не нападал, а как будто укреплялся обидами, перетерпевал своих недоброжелателей, хотя часто их жизнь обрывалась внезапно. Тот же совладелец земли под доломитовым карьером Пенкин, заблудился в лесу, отправившись на охоту. Нашли одно ружье и следы у болотной трясины. Сами собой враги и конкуренты не устраняются. А так, рассуждал Жнец, в физическом устранении недруга – свое искусство. Снаряд злил многих – «и ментов, и кентов» – и при этом жил, а недруги его не выживали. Значит, Жнец обратился по адресу.

– Кто он? – глядя мимо Жнеца, спросил Нарядов.

– Бомж. Точнее – без определенных занятий.

– Как зовут?

– Ганс.

– Татарин?

– Хуже.

– Незванный гость, что ли?

Криминальная хроника

Управление общественных связей городского отделения полиции сообщает о расследовании уголовного дела в отношении лиц, насильственно удерживавших под арестом гражданку Майю С., возраст – 19 лет, в неустановленном месте в течение времени, которое потерпевшая определяет как «несколько месяцев». При этом потерпевшая не подвергалась сексуальному и физическому насилию, получала пищу и возможность осуществлять физиологические отправления. Задерживающие содержали ее в наземном помещении, имеющем естественное освещение, принуждали к работам в форме обработки почвы в тепличном помещении. По сведениям потерпевшей, вместе с ней в подобной трудовой повинности участвовали несколько десятков людей разного возраста, контактам с которыми задерживавшие активно препятствовали.

В силу сложного психологического состояния потерпевшей она затрудняется составить описание задерживавших ее лиц.

Обстоятельства освобождения Майи С. в интересах следствия не разглашаются.

Игорь Гарпунов – Константин Жнец.

Приглашение на дуэль.

Какое-то время после прочтения предъявленных обвинений Жнец сидел, глядя в край листа, где, конечно читались не буквы, а что-то другое.

– Вопросы есть?

– Нет. Точнее – одни вопросы и есть.

– У меня, представьте, тоже. Вы должны многое мне прояснить, подозреваемый. Сегодня утром вы сказали, что не знакомы с Ивхавом Мнвинду?

– Я думаю, что вы имеете в виду Ивана или Ганса Малайца?

– А что, архитекторы называют друг друга по кличкам?

– Ну, он не архитектор.

– А кто он?

– Ну, пенсионер.

– По отношению к вам – кто? Как вы с ним познакомились?

– Случайно. Он... был отцом моей знакомой.

– Ну, ну, как ее звали?

– Роксана Пиднель.

– И что дальше? Был отцом вашей знакомой, она вас представила ему как своего жениха?

– Нет. Она замужем. Мы были знакомы поверхностно.

– То есть вы встречались время от времени?

– Нет, совершенно не так. Виделись случайно несколько раз.

– Но вы читали, что пишется в заявлении: изнасилование. Все просто: или вы изнасиловали, или это произошло по согласию.

– Нет, этого просто не было. Это неправда.

– Хорошо, а пистолет, из которого был убит Мнвинду? Как он оказался у вас дома?

– Я не могу объяснить. Я только думаю, что если бы... если кто-то убил из этого пистолета, последнее место, куда он мог бы его принести, это свой собственный дом.

– По-разному бывает.

Римма Косуля.

Ночь повышенного травматизма.

Этот день Гарпунов решил начать с посещения бывшей жены убитого. Вызывать в контору было не в его правилах. Да и себя называть по должности Игорь предпочитал в том случае, если собеседник на этом настаивал.

Он недолго постоял у домофона ее подъезда в старом четырехэтажном доме в центре: спросил у первого выходящего из дома – подростка с рюкзаком, в какой квартире живет Р.В. Косуля, на что получил ответ:

– Второй этаж, направо.

Как и рассчитал Гарпунов, Косуля была дома.

Абсолютно чистая, без малейших признаков мебели квартира: ни стульев, ни стола, ковер на полу какой-то блеклой расцветки с мелким рисунком. Хозяйка вышла к дверям в облегчающем спортивном костюме, с собранными на затылке длинными светлыми волосами. Игорь отметил ее фигуру с роскошным переходом от талии к бедрам, напоминающем рисунок хулигана в школьной уборной. Шла она по-балетному, носками врозь. В комнате не было штор, яркий осенний свет лился в комнату движением теней и желто-багровыми отсветами.

Игорь потоптался на пороге.

– Проходите, обувь можно не снимать.

Он прошел в комнату, где по углам гостиной размещались два кожаных пуфа.

– Римма Владимировна, я знаю, что вас постигло несчастье. Ваш муж... бывший муж, погиб. Примите мои соболезнования.

– Спасибо. Вы из военкомата?

– Как вы узнали?

– Выправка. Мне звонили, сказали, что ему полагается пособие на погребение. Как инвалиду вооруженных сил. Нужны какие-то документы?

– Нужны.

– У меня нет. Я наняла бюро, они занимаются всем, сегодня к вечеру обещали приготовить бумаги, но я могу им сейчас позвонить.

– Да пока не нужно. Может быть, все-таки в чем-то нужно помочь?

– Нет.

Ей хотелось, чтобы он ушел, она даже воду в ванной или где-то там не выключила.

– У нас много говорят об этом убийстве. Он был ведь безобидным человеком.

– У вас говорят? Интересно.

– А вас не вызывали для дачи показаний?

– Нет.

– А если бы вызвали, что бы вы рассказали?

– А если бы слова становились алмазами... Омара Хаяма читали?

– Хорошо, я спрошу по-другому. Кто все же мог его убить?

– А почему вы этим интересуетесь?

– Ну, знаете, если это несчастный случай, это одно дело, если он в чем-то замешан... Официальные инстанции должны будут как-то иначе к этому относиться.

– Официальные инстанции. Какие официальные?! До него никому не было дела! Вспомнили! Он делал что хотел и плевать хотел на все официальные инстанции.

– Он пил?

– Не в этом дело. Ему не надо было пить, чтобы творить что его душевке угодно.

– Но не шиковал, как я понимаю. – Он показал на комнату.

– Я про это не знаю. Я не хочу знать.

– А если бы его пенсия была переоформлена на вас?

– Не надо! Мне не надо его пен-си-и. Мы с ним в разводе. И всем этим я занимаюсь... просто из жалости.

– А почему вы разошлись?

– Послушайте, вы много вопросов задаете. Я вынуждена попросить вас уйти.

– Скажите, он бил вас, преследовал?

– Ну, это не-воз-мож-но.

Она вышла в коридор, распахнула перед ним дверь.

– Все-таки кто мог убить вашего бывшего мужа, Римма Владимировна? – спросил Гарпунов, повернувшись к ней в дверях.

– Я могла. И много кто еще.

– Жнец Константин Васильевич, знаете такого?

– Я не знаю никакого... Жнеца.

Игорь достал свое удостоверение. Косуля внимательно его изучила.

– Я не хотел вас как-то обязывать с повестками, вызовами, но... неформального разговора не получилось.

– Почему? Я вам все сказала. Если не вам, то другим. На опознании.

– Вы не говорили, что его могли убить вы. Или много кто еще. Давайте так. Вы мне скажете, кто еще, – и я уйду. Вы правы, на сегодня хватит. Ну, кто?

– Есть на север от города деревня Поталово. Съездите туда.

– Может быть, вы скажете яснее, что в Поталове?

– Я не знаю, что яснее. Вот, может быть, вы узнаете.

Странно – она глядела на него с надеждой. Опустила глаза, добавила:

– Ну, я, вообще, честно говоря... Я ужасно... мало знаю о его жизни. Есть одна женщина, с которой Иван был... жил в последние годы. Ее зовут Жанна.

– А фамилия?

– Я не знаю. Что-то экзотическое. Кавказ, даже Средняя Азия, скорее.

– Может быть, вы знаете, где ее найти?

– Я не знаю, как сейчас, но она занималась подпольной врачебной практикой на рынке. Долгое время ее, правда, там не было. Где-то в другом месте шаманила. А недавно я ее снова там видела. Целитель из цветочного магазина! Может быть, найдете ее там.

Игорь пожал плечами: ясности не прибавилось.

Римма закрыла дверь и села на ковер в позе лотоса. Прикрыла глаза.

Преследовал?

Она сама приходила к нему в последний год. Стучала в дверь пикапа – звонка на этой двери не было.

– Кто там? – Иван подходил изнутри к самой двери.

– Я, я, открой.

– Кто я?

– Ты знаешь.

– Скажи.

– Я, Римма.

– Скажи.

– Косуля.

– Еще раз.

– Косуля.

После этого он открывал дверь, сверкая в полумраке смуглым голым телом, сразу подхватывал ее на руки и вносил в зал с непрозрачными стеклами. Он снимал с нее все, что было ниже пояса – обувь, колготки, трусы. От одежды, которая сверху, она избавлялась сама. Не было запретных мест на ее теле для его губ, для его языка, и от нее он не требовал ответа. Ее раскрытое лоно уже давно искало его возбужденной плоти, а он все предлагал ей свой язык.

Язык на стопе, язык между ягодиц, язык на веках. Ни звука в помещении, похожем на аквариум, тусклый свет уличных фонарей через мутные окна, легкий запах цветочного мыла.

Как она ненавидела это жилище, которое, с гордостью сообщал Иван, не значилось ни в одной описи жилых помещений! Как оно окрыляло ее.

Как ненавидела она тот момент вершины страсти, когда Ивхав, впрессовывая ее бедра своими в кафельный банный пол, бил ее по лицу открытой ладонью. Слева и справа. Поочередно, безостановочно.

Как это было ей сладко. И он уставал только от этих ударов, которые уже обжигали ее плечи, грудь, ноги, спину. Он не уставал лишь повторять все более тщательные движения внутрь нее. Как будто бы заполняя все внутри нее, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. И в этот миг она открывала глаза навстречу его лицу и просила: бей.

А он отвечал движением головы: нет.

Она просила, он отказывал.

И когда она изнемогала от желания, он сдавливал ее горло обеими руками, вырывая из нее единственный звук.

После этого его страсть, наконец, исторглась.

Это пролетало как одно мгновение. А длилось обычно часами, нередко ночь напролет.

Так было, когда они зачали дочь. Так было весь последний год перед тем, как его убили. Так было всегда, кроме того дня, точнее ночи, когда она выгнала его из дома, почти четыре года назад. Спустя двадцать лет после рождения Роксаны.

Игорь Гарпунов.

Бесплодные усилия любви.

- Сергей Сергеевич, здравствуйте, это я.
- Здравствуй, здравствуй, Игорь Геннадьевич, рад слышать.
- У меня есть одна просьба, связанная с делом, которым

я сейчас занимаюсь. Убит в своей квартире гражданин Мнвинду. Есть заявление родственницы убитого о причастности к убийству гражданина Жнеца, который при жизни угрожал убитому.

- Граждане-то какие у тебя, с интересными фамилиями. Не по нашей части?
- Сейчас, Сергей Сергеевич, все по вашей части.
- Ну, льстишь. И что там?
- А угрожал этот подозреваемый из боязни, что Мнвинду отомстит ему за изнасилование его дочери. Понятно хотя бы объяснил?
- Понятно. Вроде бы убийство для предотвращения другого убийства. Так?
- Ну, вроде этого.
- Сложно как-то, литературно. А изнасилование-то было?
- Да в том-то и дело. Жена убитого, который вроде обещал мстить за дочь, даже не знает ни о каком изнасиловании. Но сама жертва утверждает, что по этому поводу было даже обращение в полицию.
- Погоди, жертва не может утверждать, его же убили...
- Ну да, да, здесь две жертвы. Дочь, которую изнасиловал Жнец, и ее отец, которого он вроде бы убил. Так вот, отец как будто обращался в полицию.
- Ну так что? Не поверю, что ты не узнал, было ли такое обращение.
- Узнал. Официальный ответ: не поступало таких заявлений.
- Да и я уверен, что все тут ясно: эта баба сочиняет.

– И все-таки хотелось бы уверенности. Вы сами знаете, как у нас оформляют эти заявления. Тем более что убитый, этот Мнвинду, при жизни был такого бродяжнического вида. Его могли серьезно не воспринять. Он странный был, инвалид по голове и так далее.

– Ты хочешь, чтобы мы сделали неформальную проверку?

– Да, у них там внутреннее видеонаблюдение есть. Но если я запрошу, они все сотрут.

– Хорошо, я понял, поработаем, ты мне фото-видео убитого пришли. Какой период нужен?

– Август.

– Как срочно?

– Вчера.

– Так и знал. Ладно. Как вообще жизнь? Как Ритуля?

– Да по-разному.

– Ну, поцелуй ее.

– Спасибо.

К вечеру следующего дня Игорь получил на свою электронную почту файл, содержащий видеозапись, сделанную в тамбуре дежурной части райотдела полиции: Ивхав Мнвинду подходил к окну дежурного, о чем-то с ним говорил, после чего из двери появился милиционер, выведший его на улицу.

Милиционер Григорий Краснов сообщил при вызове в управление полиции, что приходивший был пьян и не сумел сказать ничего членораздельного, хотя на ногах стоял удивительно твердо.

Игорь Гарпунов. Заправка гончей.

Гарпунов, спортивный по природе, худой, высокий и ширококостный, привык считать, что его организму вполне достаточно кофе с булкой или жареного сыра вместо полноценного обеда.

«Вот, – решил он, устраиваясь за столиком, – в чем можно позавидовать всякому, вне зависимости от его богатства, красоты и здоровья. Ты хочешь горячий кофе и булку с корицей – и получаешь это».

– Кофе со сливками? С сахаром? – спросила его барменша из-за близкой барной стойки.

Хотелось многого и сразу, всю жизнь. Казалось, смысл в этом. Потом разом расхотелось. Казалось, смысл в том, чтобы хотеть. Теперь вот так.

В детстве хотелось побед в поединках, признания, узнавания на улице, восхищения девчонок, особенно одной, одноклассницы Ритки, которая не замечала и т.д. Он следил за тем, когда и кого из парней она одаряла своим вниманием, поджидал после школы, нещадно бил. Умел бить кулаком в лицо с очень раннего возраста, когда остальные мальчишки дракой называли толкание и тычки в клинче. Ему казалось: если разбить нос или губу – соперник теряет привлекательность. Секрет успеха соперника, полагал Игорь, в его смазливости. Так возле Ритки скоро не оказывалось ни одного ухажера.

В девятом классе появился Михаил Пиднель, Роб Рой, как его прозвали по строке в отрывке из Вальтера Скотта, который они читали на уроке английского. Миша знал отрывок наизусть. Вдобавок к тошнотным манерам отличника Роб был балетный танцовщик, бадминтонист и еще много чего «ист», и однажды прошел на спор по перилам между вторым и третьим этажом с закрытыми глазами.

Отбить у Ритки возможность восхищаться Робом не очень получалось – то он в балетной студии, то его на соревнования вызвали. От школы его увозили на большом иностранном автомобиле. Не подойдешь, не то что сцепиться.

В перемену как-то Игорь прижал его на лестнице, шепнул:

– Стой, хорек.

Роб широко улыбнулся и вдруг нырнул под Игореву руку, больно прижав кисть к запястью. Игорь присел от боли.

– Прозвище у тебя красивое! Так тебя и буду звать – Хорек. Хорек-Игорек! – сказал Роб весело и, напоследок усилив нажим на запястье, отпустил руку.

А уже через урок Роб собрал вокруг себя и фотографировал девчонок, которым тут же выдавал цветные фотографии, выползающие из аппарата белыми квадратиками и на глазах проявлявшие изображение, да еще цветное! Ритка тоже смотрела на маленькие квадратики, смеялась. Смотрела на Роба восхищенно. Все девчонки смотрели на него. Ясно, что сама фотокамера – невелико диво.

У Игоря было ощущение полного поражения. Он решил готовиться. Он считал искренне, что первая неудача в личном поединке – от его недостаточной физической силы. Еще задолго до знакомства с банальностью американских экшн-фильмов, где в интеллектуальный или моральный бой можно кидаться только после месяца упражнений в «качалке», Игорь начал заниматься с тяжелоатлетами, а потом и в полуподпольной школе каратэ. Называлась она для прикрытия секцией восточной гимнастики и акробатики, ходили туда люди от младших школьников до седовласых дядек, причем с предварительным конкурсным отбором и личными рекомендациями. Причины такой конспирации состояли не только в притеснениях «брюсолимагии», но и в том, что за занятия «сэнсэй», то бишь тренер Андрей Ким, брал плату – 10 рублей в месяц. Все это, конечно, только добавляло невероятной популярности, даже славы, этой замечательной борьбе. А также, конечно, и то, что сэнсэй ездил на иностранной машине марки «талбот», носил фантастически красивые спортивные костюмы и мягкие кожаные кеды непременно белого цвета. Игорь, да и все остальные считали, что название такой обуви – «красовки» – происходило от слов «краса», «красота».

Местные корейцы, одним из которых был их сэнсэй, еще и до моды на каратэ считались в их городе гордыми и отважными, и хотя не задирались сами, держались обособленно. В случае, если обижали кого-то из них, отвечали быстро и дружно, обязательно находя обидчика и наказывая именно его. Притягательность такой сплоченности заставила Игоря следовать всем указаниям Кима с двойным усердием, и через полгода занятий, приправленных чтением жизнеописаний и наставлений шаолиньских монахов, Игорь стал лучшим бойцом школы. Андрей Ким свозил его в начале летних каникул в Узбекистан. Там Игорь побился с несколькими ребятами из опекаемых тамошними Кимами и Ханами школ каратэ, живших гораздо более открыто и сумевших провести нечто вроде открытого чемпионата республики.

И хотя в последней из четырех схваток соперник рассек ему бровь, отшиб ребра, он ощущал в себе растущую уверенность в своих силах. Уверенность в том, что он сможет наказать своего соперника. Неважно, что Пиднель не делал каких-то явных шагов к дружбе-любви с Ритой, важно было, как она смотрела на Пиднеля, Игорь видел. А его не замечала, будто и не существовало таких серьезных изменений в Игоре, которые замечали, например, все пацаны.

В десятом классе восьмого марта всех девочек класса пригласил в детскую школу искусств самый яркий человек класса, да что там класса – школы – Михаил Пиднель, он же Роб Рой. Туда, где он *балеруниствовал*.

Приглашения были оформлены коряво – каждый представлял из себя рисунок, причем ни один не был похож на другой, да еще и краска от них, как заметил Игорь, осталась на пальцах у Ритки. Но девчонки заорали, Ритка даже подпрыгнула.

– Будет отличная музыка, рок-группа, будет балет, будет брейк, а потом потанцуем сами, – великодушно и небрежно объяснял Михаил, – кстати, каждый билет – на двоих, парней можно тоже пригласить.

Поскольку Игорь стоял рядом, ничего другого Рите не оставалось, как, встретившись с ним взглядом, спросить:

– Пойдешь?

Конечно, пошел. Надел новую неудобную рубашку, тесную, жесткую, но другие были или неглажеными, или нестираными – отец сдавал белье в прачечную раз в месяц. Игорь с пятого класса жил с отцом, мама его умерла от скоротечного рака желудка в возрасте чуть старше 30 лет.

Зал школы искусств, куда они с Ритой пришли, держась слегка на расстоянии, – «на расстоянии разговора», как она говорила, – был полон народу. Причем в основном это были школьники, старшекласники, что, конечно, выдавало мощную, но явно не взрослую организаторскую руку.

И концерт, начавшись без вступления, сразу с затемненной сцены, где заматались, заломались фигуры в светящихся развевающихся платьях, отзывался в зале искренним восхищением подросткам и таким же негодованием взрослых, усевшихся в самых первых рядах.

– А где торжественное слово?

– Что это за грохот, я не согласовывала!

И многое подобное то и дело звучало с академического ряда. Но все уже закрутилось неостановимо: за брейкерами выбежали еще более шумные гитаристы и ударник со всеми любимой тогда песней «Нирваны» «Дух подростков».

Зал встал. Какая-то преподавательница с красивыми волосами и красивой фигурой, облаченной в черную юбку и белую блузку, поднялась со своего места, обернулась лицом к залу, взмахнула рукой, а потом прижала палец к губам. Какое там! За ее спиной на край сцены выскочил Михаил Пиднель и задирижировал совсем по-другому, словно подбрасывая ладонями невидимый шар вверх.

– Балдеж! – закричала Ритка Игорю прямо в ухо.

Были там и смешные пародии на президента Горбачева, импровизации на рояле, скрипке, даже виолончели, выступление волосатого поэта с собственными стихами, из которых он запомнил фразу: «Любить вам рано, нам сказали, тогда скажите, жить пора?». Потом снова рокеры, еще танцы наподобие синхронного плавания, только без воды – короче, все, что не имело никакой связи с жизнью Игоря, с жизнью их улицы, города. Какой блеск длинноногих девочек, какие страсти, какая надрывная школьная любовь? Он знал о таком, но всегда знал, что эта яркая жизнь не для него. Для него – продуктовые талоны, «заказы», как их называли, отключения электричества, переполненные утренние автобусы и трамваи по дороге в школу, постоянное ощущение, что зима не кончится никогда.

И чем больше он злился на радостных и красивых артистов, тем больше радовалась Ритка, а уж когда на сцене появилась совершенно ослепительная хрупкая девочка, длинноволосая, смуглая, с баяном в руках, и заиграла «ламбаду», вселенскую песню номер один того года, все вокруг, и Ритка тоже, захлопали в такт в ладоши.

Несколько преподавательниц, по преимуществу в возрасте, закрыв уши руками, поднялись и вышли из зала. Это еще больше разозлило Игоря: получалось, он заодно с этими противозными училками.

А девочка на сцене, не делая перерыва, перекинулась на какую-то другую мелодию, куда более грустную, но тоже ритмичную, и вдруг из кулисы выпрыгнул их Пиднель – босиком, в черных свободных брюках, с голым торсом и накрашенным чем-то белым лицом. Он завертелся на одной ноге, привставая и дотягиваясь рукой до чего-то невидимого. И как будто неожиданно для девчонки с баяном, а уж точно – для всех них, его одноклассников, он взлетал и падал, разбегался, крутился и парил, отвечая своими движениями на каждый поворот мелодии баяна. Он закончил свое выступление сначала упав перед музыкантшей на колени, потом,

когда она оторвала руки от клавиш, поднялся и приблизил свое лицо к ее лицу, опустив глаза. А она смотрела на него.

И хотя Игорь испытал чувство неловкости от этого неуклюжего артистизма, зал захлебнулся от восторга. Игорь увидел, что Ритка смотрит на сцену не мигая, сжав руки под подбородком. Он встал и, встречая недовольное сопротивление колен сидящих, полез к выходу. Из коридора он прошел за кулисы, подождал, пока смуглая девочка ушла за женскую перегородку. А потом догнал уходящего Михаила, тронул его за плечо и, когда тот повернул к нему свое забеленное лицо с сияющими в черных тенях глазами, ударил его, целясь в нос. Он превратил все свое тело в ядро, летящее в цель. Как учил Ким. Но в этот же миг Игорь с ужасом почувствовал, что ядро летит в пустоту, увлекая за собой все его набитое мышцами тело, рука проваливается вниз, а лицо натывается на металлическую ручку двери.

Боль и обида, споря внутри, не давали одному перехлестнуть другое, а еще – Игорь вдруг просто ослеп. А когда свет оживил глаза, увидел, что вокруг много народу и кто-то из незнакомых девчонок протягивает ему руку. Михаила рядом не было.

– Что здесь, что случилось? – за спинами раздался голос какой-то учительницы, и Игорь поднялся и, опустив голову, побежал к гардеробной, на выход.

Дома отец, увидев на лице Игоря что-то страшное, ударил его с правой, по не разбитой части лица, Игорь еще раз от неожиданности пропустил удар, но боли не почувствовал. Сняв с себя только залитую кровью и грязью одежду, он упал в ванну, закрывшись изнутри, – в однокомнатной квартире ванная комната была единственной защитой от папы, назойливого по пьянке, – и лег лицом вверх. Слезы, которые он подавлял по дороге домой, теперь текли по пылающему ранами лицу.

– Кто тебя так, Игорь? – спросил отец, видно понявший, что рана получена не на этом восточном боксе, который он очень не одобрял. Говорил обычно, что это учебя «вооружает агрессора», – а какого – не говорил. Игорь горевал, что и дома не мог пореветь в голос, – и тут кому-то нужно лично убедиться в том, что ты унижен, ты побежден, что жизнь твоя – бесконечные потери. Одна сплошная невезуха.

Ночью боль на лице стала такой, что, когда отец пошел в уборную, Игорь не смог сдержать стон. Он случайно задел своей рукой лицо, и обнаружил, что оно где-то в стороне, не там, где должно быть.

Отец услышал, зажег свет и ахнул.

Из медпомощи отец предпочитал мобилизацию общественности.

Игорь помнил из глубокого детства, что однажды их троих, с живой тогда мамой, остановил в проходной совершенно тщедушный подросток, который попросил закурить у никогда не курившего отца. В ответ на это отец выхватил из кармана судейский свисток и дунул в него во всю дурь. На помощь никто не пришел, но подвыпивший паренек поспешил убраться.

Теперь вместо свистка была нижняя соседка Изольда Семеновна. Отец сбегал за ней, показал рукой на Игоря. Она ойкнула и спросила:

– Где болит, Игореша, покажи.

И еще раз, не дождавшись звука из неоткрывающегося рта Игоря, спросила:

– Что ты «ме» да «ме», покажи, где болит?

Потом переключилась на отца:

– Гена, ты должен рассказать, как это случилось.

Но отец, кривя губы в беззвучном плаче, только махнул рукой.

Поняв, что больше ничего интересного не будет, соседка взялась за телефон.

– Алло, скорая, ребенок в тяжелом состоянии. Да какой возраст, не помню, говорю вам – очень тяжелое состояние.

Отец перевел его на раскладной диван – один из двух, расположенных напротив друг друга. Приезжала скорая, сделали укол, после которого боль немного утихла, Игорь забылся

ненадолго, но через некоторое время приехали еще двое в белых халатах, заставили встать, долго крутили его, трогали ушибленные на турнире в Узбекистане ребра, пытались что-то спросить, но челюсть отекала настолько, что рот по-прежнему не открывался. Они еще долго писали, причем отец очень налегал на «восточную секту». Игорь понял, что они ушли, когда погас свет.

Утром к ним домой явилась женщина-милиционер, которую для начала папа увел на кухню и о чем-то эмоционально ей рассказывал. Потом они вместе вошли в комнату, где в полузабытии лежал Игорь.

– В общем, покалечили, – сказал папа.

– Здравствуй, Игорь. Ты помнишь, кто напал на тебя?

Игорь помотал головой. Он подумал: хорошо хоть, что есть совсем не хочется, все равно бы не смог открыть рот.

– У тебя сломано ребро, трещина челюсти, перелом носовой перегородки, ушиб ключицы, – начала читать женщина-капитан.

– Фашисты, – заметался по комнате отец. – Его заманили сектанты, там учат убивать людей, он уносит туда деньги.

– Это правда, Игорь?

Игорь отвернулся к стене.

– Он вам не скажет, мальчишеская солидарность. Я вам скажу, – милиции, его же хотели убить. Тут или большие деньги, или политика. Нас завоевывают изнутри иностранные государства. Это дело для КГБ, вот для кого это дело, понимаете?

Она поняла, потому что они вышли в коридор и долго беседовали, а Игорь мучался оттого, что хотел пить и не мог этого показать.

Его положили в больницу, где, после попытки одноклассников навестить его, он упрямил своего врача никого к нему не пускать. Написал просьбу на бумаге, говорить еще не мог – гипс. Но вскоре как раз явился еще один посетитель, представился Сергеем Сергеевичем. Он обращал на себя внимание артистической шевелюрой, – а тогда никто не носил длинные волосы, – открытой улыбкой и красивым низким голосом. Он, в отличие от отца, пришедшего в первый же день с магазинным холодцом, догадался принести красивую коробочку сока с трубочкой, через которую только и смог с удовольствием попить Игорь. Сергей Сергеевич сообщил, что пришел от родительского комитета, спрашивал про обстановку в классе, про то, кто с кем, кто против кого, причем многих называл по имени и фамилии и довольствовался ответом, если Игорь просто кивал головой. Он приходил еще несколько раз, все время угощая Игоря чем-то неведомым, типа сыра из тюбика с крабовым вкусом, удивлял тем, что знал все больше про подробности жизни Гарпунова. Например, про Риту Бринскене, про Пиднеля, про Андрея Кима и его школу, но объяснял все неприятности не со стороны старшего наставника, как отец, а с его, Игоревой, позиции: ничем он не заслужил это невезение, эту боль.

А отец, навещая, расспрашивал про Сергея Сергеевича – но что мог рассказать Игорь с его жестко зафиксированной челюстью?

– Нормаль-но.

– Ты, Игореша, держись его, он мужик с очень большими связями.

Вскоре Сергей Сергеевич спросил Игоря:

– Скажи прямо – тебе досталось от Михаила Пиднеля?

– Да, – кивнул Игорь. Разве это неправда?

– Из-за Риты Бринскене? Не отвечай, я все понимаю. Ладно, скажу честно, я тоже дрался из-за девчонки – и она это в конце концов оценила.

А еще через пару дней Сергей Сергеевич принес листы бумаги с напечатанным на машинке текстом, где Игорь прочитал: «Я, Игорь Геннадьевич Гарпунов, заявляю об избииении меня Пиднелем Михаилом Иосифовичем...»

– Я не... не буду.

– Ты же сам об этом говорил, Игорь.

– Я не буду.

– Ну и хорошо, не надо подписывать. Мне достаточно и того, что ты сказал, чтобы завести на Михаила Пиднеля уголовное дело. А вот как с тобой, Игорь? Пиднель сам сообщил, что это ты напал на него. Как тебе это? И люди видели.

– Нет. Не видели, – прошептал Игорь.

– Вопрос стоит так: или ты успеваешь подписать это заявление, или он пишет свое. И тогда ты можешь оказаться на скамье подсудимых. Хочешь?

Игорь не ответил.

– Вся школа рассказывает, что тебя победил Михаил в честном и открытом поединке. А ведь он спортсмен, кандидат в мастера спорта, да, а ты не знаешь?

– Не победил, – Игорь произнес самую трудную фразу за последние недели.

– Это особенно заметно, – взмахом руки указав на его лицо, откликнулся Сергей Сергеевич.

Игорь заявление подписал.

Это было не самым тяжелым моментом во всей этой истории, хотя Сергей Сергеевич сделал так, что следствие по делу и рассмотрение в суде прошли быстро и без особого отклика в школе. Началось лето, последний звонок, этот случай ушел в тень перед хлопотами экзаменов и поступлений, отъездов и прощаний. Самым неприятным был эпизод в суде, где Игорю пришлось отвечать в присутствии Роба Роя на вопрос: «Действительно обвиняемый избивал вас после того, как вы упали?»

Он ответил: «Да». Отвечая, Игорь слышал слова Сергея Сергеевича: «А разве он не избивает тебя до сих пор?» Он слышал наставления Андрея Кима: «Главная победа – в том бою, которого сумел избежать, так писал Конфуций». Он победил. Угнетало, правда, что Михаил Пиднель, которому дали два года общего режима, во время чтения приговора не выглядел огорченным.

Несомненным приобретением тех нелегких дней была дружба с Сергеем Сергеевичем Дугиным, который придавал осмысленность всем кошмарам этого времени.

– Этот судебный процесс, Игорь, всего-навсего наша помощь Богу в его больших хлопотах о справедливости, – говорил он, приходя к Игорю домой, где с удовольствием угощался немудреным чаем с вареньем и баранками. – Ведь если бы Бог сам творил справедливость, он сослужил бы людям дурную службу, они перестали бы совеститься. Зачем совесть, если есть Бог?

Игоря удивляло, что полковник КГБ, организации пусть и ругаемой в те дни, но по-прежнему сильной, говорил о вере как о необходимой части жизни. Но всегда за воздухом духовных тем Сергей Сергеевич нащупывал скелет тем практических.

– Согласись, Игорь, увлекает работа на справедливость,

– Сейчас говорят, что справедливость, за которую боролись 70 лет, была несправедливостью.

– Это вопрос флага. Он всегда веет в разных направлениях. А я говорю о флагштоке – о том, что от поиска справедливости общество не отказывается никогда. При этом общество всегда хорошо оплачивает работу тех, кто держит древко, флагшток. Это я к тому, что аттестат твой вполне позволяет поступить на юридический.

Отец радовался тому, что по возвращении домой с завода он застал Игоря и Дугина сидящими напротив друг друга в креслах. С ногами, заданными выше головы, читающими попеременно друг другу из учебников по истории. При этом робел Дугина, заискивал перед ним, мог даже на ужин картошки поджарить или лапши сварить, чего прежде с ним не бывало. Сергей Сергеевич держался с отцом холодно, особенно после того, как однажды увидел, как тот ударил Игоря по щеке. Повод ничтожный: Игорь переключил телевизор со съезда народных депутатов, главного аттракциона тех лет, на смешного с налитым кровью взглядом телеэкстрасенса. И пощечина нечувствительная. Но Дугин подошел к отцу вплотную и сказал сквозь зубы.

– Если я, Геннадий Степанович, отвечаю за Игоря, не обидитесь?

Геннадий Степанович не сразу понял, о чем речь идет, но часть уважения к Дугину распространилась с тех пор и на Игоря.

Дугин стал инициатором оживления отношений с Ритой. Она поступала в иняз, Дугин, устроивший Игорю репетитора с прекрасной методикой и хорошими связями, на первое занятие позвал и Риту, причем сказал, что приглашает ее от имени Игоря.

Криминальная хроника

На минувшей неделе органам полиции удалось добиться освобождения из заложников насильно удерживаемых под стражей 32 человек, в разное время числившихся в списках пропавших без вести или не разыскиваемых. Все они содержались в одном и том же месте, специально созданном для насильственного принуждения к труду по выращиванию сельхозкультур в открытом и закрытом грунтах. Родственникам предъявления требований от похитителей, насильно удерживавших граждан, о выкупе или иных условиях освобождения не поступало.

Спасибо медикам! Здесь заголовок в виньетку

Жена и дочь *Ивхава Мнвинду* от всего сердца благодарят главного врача городской больницы А.Ю. Вертера, главного кардиолога Т.П. Сумкину, главного врача лечебно-физкультурного диспансера Т.Ю. Киллеровскую, всех врачей и медицинский персонал городской больницы за помощь в организации похорон нашего мужа и отца.

Римма Косуля и Роксана Мнвинду.

(Газета «Поденник», 19 октября.)

Роксана Пиднель – Игорь Гарпунов.

Бубликация.

Роксана прочитала красиво оформленную чудовищную благодарность на последней, особенно читаемой странице городской газеты «Поденник» после звонка мужа, тоже увидевшего это объявление при посадке в самолет. Ясно, что это было дело рук ее матери – угадывалось и в идее, и в том, как это было исполнено. Как положено, как у всех.

Это было самое плохое, ну, или близкое к этому. Сначала она, пылая от злости, позвонила матери, но ничего сказать было нельзя.

– Мама, зачем ты это сделала?

– Бог с тобой, Оксана, о чем ты?

– Если ты благодарна этим своим медработникам, то зачем меня приплетать?

– Да, конечно, тебе не понять, что такое благодарность! Ты даже на похороны не пришла.

Если ты стыдишься своего отца...

Роксана положила трубку. О чем было говорить и что можно поправить? Томящаяся бездействием, как острой пыткой, Роксана узнала по телефону адрес редакции газеты «Поденник», вскочила в машину и доехала до нее, а там зашла в кабинет редактора.

– Здравствуйте. Я хотела бы купить тираж вашей сегодняшней газеты.

Редактор, мужчина с прической а-ля писатель Добролюбов, заблестел глазами.

– А в чем, собственно, дело?

– В том, что там опубликована очень дорогая для меня информация, и я хотела бы разослать ее в другие города, где живут близкие мне люди.

Добролюбов вышел из-за стола, придвинул Роксане стул и любезно прогнулся.

– Присаживайтесь. А что это за информация?

– Это личное. А как с тиражом?

– Сожалею. Мы не распространяем газету сами...

В дирекции сети киосков «Пресса» сообщили, что газета уже развезена по «точкам реализации». Выкупать газету в сотнях мест, понимая при этом, что часть уже ушла пусть по немногим, но подписчикам, в том числе во всякие официальные инстанции, – дело пустое. Оставалась небольшая надежда на то, что сообщение это дойдет до заинтересованных лиц не так быстро, как можно действовать самой. Кто, в сущности, сейчас читает газеты, да еще городские? Значит, нужно действовать быстрее.

Так или иначе, последовавший вскоре телефонный звонок суету Роксаны остановил: уничтожать тираж поздно – кто надо что надо уже узнал.

Старший следователь полиции Игорь Гарпунов как раз относился к той ничтожной части населения, которая изучала городскую газету пристрастно, особенно отдел коммерческих объявлений. Там обычно публиковались объявления о работе для репетиторов по английскому. Не очень часто, но объявления случались: дальше оставалось совсем простое – нужно было созвониться с теми, кто ищет, и рассказать им, не теряя достоинства, какой замечательный преподаватель может позаниматься с обучающимся или обучающимися.

Предпочтение отдавалось детям, подросткам, но никак не мужчинам, изучающим язык для того, чтобы вести операции по открытым на Кипре банковским счетам. Женщины, тянущиеся к английскому из карьерных соображений, тоже были особами нежелательными: им нужен был быстрый результат, как правило, поверхностные знания, кроме того, они были болтливы, а это в маленьком городе очень беспокоит. Ему понравилось объявление, где приглашали «обаятельную и опытную учительницу» к мальчику 9 лет для ежедневных по будням занятий углубленным английским языком на дому.

– Алло, здравствуйте. Увидел ваше объявление. С вами нужно об этом говорить? Я директор школы, Четвергов, Василий Павлович. Рекомендую вам отличного преподавателя и очень эффективного репетитора, Маргариту Станиславовну Гарпунову. Нет, не Горбунову, а Гарпунову. От «гарпун», китобои, понимаете? Оксфордский колледж, ингъяз, аспирантура. Нет, не пенсионер, что вы, молодая, красивая девушка. Оплата? Ну, ваша цена. Одно условие... Вы должны ей позвонить и пригласить, сказать, что вам порекомендовали. Да, сошлитесь на меня. Именно, Четвергов. Пишете телефон?

И тут Игорь увидел это соболезнование. Точнее, он видел его и раньше, но тут оценил и черный юмор по отношению к родной медицине, и «Косуля», и «Мнвинду», и «дочь» сразу оказались рядом, и он, быстро продиктовав свой домашний телефон и мобильный жены, распрощался с женщиной на том конце провода.

Через короткое время он звонил уже по другому номеру, где ответил приятный голос девушки:

– Слушаю вас.

– Роксана, извините, я не знаю вашего отчества. Роксана, я не ошибся?

– Нет, не ошиблись.

– Меня зовут Игорь, я директор 28 школы, с углубленным изучением английского языка, но звоню вам как глубоко частное лицо.

– Насколько глубоко?

– Объясню, – он импровизировал даже больше, чем когда устраивал непростые дела собственной жены, – я хочу снять квартиру на одной с вами лестничной клетке, а с соседями хотелось бы познакомиться лично. Согласитесь, будет поздно что-то менять, когда я с семьей уже заселюсь с вами по соседству.

На словах «с семьей» он сделал ударение.

– А какая квартира, Игорь, сдается?

– Шестнадцатая. Советую сходить прямо сейчас и убедиться, что ваша соседка сдает квартиру.

– Я не дома.

– Когда и где вам было бы удобно встретиться? Я не займу много времени.

– Я готова вам все рассказать по телефону.

– Поверьте, то, что я хочу узнать, вам будет тоже интересно обсудить.

– А как вы узнали мой номер телефона?

– Это было непросто. Я потратил на это три дня.

Они условились встретиться в баре «Тантра» в 18 часов, на подходе созвониться. Место было никудышное, но дорогое, поэтому затеряться там среди толпы не получилось бы.

Ему не хотелось вызывать дочь пострадавшего для показаний в управление полиции, он в тех стенах откровенно тосковал. Как скучал от процедурных опросов: где был, с кем был. Заинтересовать собой, заставить говорить не по принуждению, вот в чем азарт. И вот теперь он может составить о ней представление в частной обстановке. Если сумеет. А что его интересовало? Почему за мстью она обратилась к отцу, а не к мужу, роскошному атлету Мише Пиднелю, у которого, это было известно, имелись покровители и в уголовной среде, причем не из мелких. Не оговаривает ли она Жнеца: архитектор, как бы ни был неприятен Гарпунову, на убийцу не тянул. Если она оговаривает Жнеца – не имеет ли сама причастности к смерти отца?

Планы и намерения изменились сами собой, когда он ее увидел. Во-первых, это, без сомнения, та самая девчонка с баяном со школьной сцены, только расцветшая с возрастом. Да, так бывает: смягчились ее движения, платье и туфли надеты, чтобы радовать себя, а не что-то сообщать другим, наконец, в темных глазах горячий блеск сменила глубина.

Во-вторых, – и это он понял, когда она подошла ближе, – что жена его одноклассника Миши – та самая девушка из видео, которое милиционеры изъяли в доме Жнеца. И узнать, что она может сказать о своем знакомстве с Жнецом, показалось ему наиболее важным. И то, что он подошел к ней сам прямо у входа, а не стал ждать ее звонка, тоже сразу открывало, что он о ней знал. А вот она о нем – нет. Да, он не Роб Рой, красавец разбойник.

– Вы – Роксана. Здравствуйте, меня зовут Игорь.

Он заметил не без удовольствия, что посетители, которых в «Тантре» и впрямь набралось бы с десятков, наблюдали, как он проводил красавицу к столу у окна. Да и он с удовольствием смотрел, когда она усаживалась напротив.

– Знаете, Роксана, я не стану скрывать: сдача квартиры – это предлог.

– Я поняла.

– Тогда почему пришли?

– Чтобы убедиться.

– В чем?

– Давайте лучше о вашем деле.

– Дело вот в чем. Я хорошо знал вашего отца. Примите мои соболезнования.

Роксана посмотрела на свои пальцы, Игорь, за компанию, тоже. Пальцы, как и стоило ожидать, выглядели красиво. «Носки Пиднелю не стирает, это уж точно», – подумал Игорь, а Роксана сказала:

– И?

– И знаю состояние его дел. Я юрист, консультировал его по оформлению имущества. В частности, его землевладение в Поталове я мог бы помочь вам быстро оформить в наследство.

– Наследство?

Роксана оглянулась, нашла взглядом официанта, кивнула ему.

– Ах да, извините, – заторопился Игорь, – что вы хотели бы выпить? Есть здесь, пожалуй, не стоит.

– Вода Перье без газа с лимоном, – обратилась к официанту Роксана.

– Кофе, среднюю чашку, – добавил Игорь.

– Этот дом, огромный дом, – Игорь импровизировал на крохотном участке тех сведений, что сказала ему мать Роксаны, – вы, конечно, знаете, что его... Его проектировал наш лучший архитектор – Константин Жнец... Знаете его?

– Не знаю.

– А он говорил, что согласовывал с вами проект. Он не согласовывал с вами проект?

– С какой стати? Я вообще не знаю ни про какой проект.

– А почему? Это ваше наследство, – Игорь заметил, что единственное слово, на которое отреагировала Пиднель, было «наследство», – это большие деньги. Жнец сказал, что вы, простите, просто придирались к проекту. Что вы бывали у него по нескольку раз в день.

– Это вы про кого еще раз? Швец?

– Жнец.

– Это смешно. Мой отец был нищим. Понимаете? Совсем. Кроме того, он был не в себе. Он был сумасшедшим. Какой дом? Какая земля?

– Да я видел эти документы! Я сам их оформлял. Вы можете поехать и посмотреть на дом. Скажите, если я займусь оформлением наследства, я могу рассчитывать на хороший гонорар? Тем более, сами видите – эту приятную новость вам принес именно я!

Она задумалась. Случай с этим объявлением в газете отчетливо показал: если наследование пойдет своим ходом, оно может коснуться матери, она все воспримет с излишними эмоциями. Как, все знали, а я не знала?! Претендовать ни на что не будет, конечно, но и у нее, и у всех появятся вопросы: на какие деньги бомж Ганс, он же Ванька Малаец, он же Ивхав Мнвинду, купил землю и дом? Игорь уловил, что тревога скользнула по ее лицу. Он попал в точку.

– Чтобы вы не сомневались, предлагаю посмотреть дом, – широко улыбнувшись, он развел ладони.

– Я видела проект, этого достаточно.

– Ну во-о-от, наконец. Вы все знаете! Знаете про Поталово, знаете про наследство, знаете Жнеца.

– Допустим. Вы знаете, как можно все это устроить?

– Предположительно.

– Я обещаю вас отблагодарить. Скажем, десять процентов от рыночной стоимости?

– Согласен.

– Согласны? И можете сделать так, чтобы все оформление прошло законно, но потихому?

– Конечно.

Официант принес воду и кофе, и они оба, сделав по маленькому глотку, решили, что допивать не стоит. Она внимательно посмотрела на него, фокусируясь то на одном зрачке, то на другом.

– Тогда вы, молодой человек, чего-то недоговариваете. Вы мент или что-то по этой части. Да-да, не отвечайте, я сейчас все про вас скажу. У вас нет оснований вызвать меня официально, но вы подозреваете меня в убийстве. Так?

– Почему же нет оснований? А ваше заявление об изнасиловании?

– Ну, там же я потерпевшая – так, кажется. Хотя потерпевший, подозреваемый – это все так мгновенно и относительно. Давайте выкладывайте, что вам от меня нужно. И для начала – кто вы есть.

Когда Игорь положил перед Роксаной свое удостоверение – наперекор инструкциям, запрещающим выпускать его из рук, – он заметил, что Роксана сразу успокоилась. Она боялась чего-то более серьезного. Чего?

– Мы знакомы с вашим мужем, Мишей, – начал очередной подход к Роксане Гарпунов, – мы учились с ним какое-то время в школе. Потом – я внимательно следил за ним в трудный период его жизни, когда он... когда он вышел на свободу. Да, и еще я помнил, что вы дружили с ним со школьных лет. С другой стороны, я хорошо знаком с Константином Жнецом, которого и вы хорошо знаете. И вот я спросил себя: по-дружески ли я поступаю, не рассказывая Михаилу про вас и Жнеца?

– А что вы можете рассказать Михаилу про Жнеца? Что он подлец и преступник? Скажите вы ему это на здоровье.

– А вы-то почему не сказали?

– А нечего было сказать! То, что произошло со мной и Жнецом, – несчастный случай. Понимаете?

– То есть Михаил не знает про то, что вы и Жнец были... как это сказать... любовниками?

Здесь она посмотрела на него с той способностью смотреть чуть дальше, чем глаза собеседника, словно разглядывала что-то за лицом. И тем не менее, она была сконфужена.

– А при чем здесь Михаил? При чем здесь убийство моего отца? У вас что-то не сходится, и я должна вам все разом объяснить? Нечего объяснять, понятно?

Игорь понял, что узнать большее не получится. И отыграл назад. Он наклонился к ней и спросил почти шепотом:

– А если у меня есть личный интерес?

– Вы хотели шантажировать меня? Чума! Теперь я спрошу: а что вы хотели получить от своего шантажа?

– Что можно получить от красивой женщины?

– Я так и думала. Где Вы и где я? Вы думали, что что-то может быть? У вас не получилось.

– Смотрите, что получилось у меня, – Игорь начал медленно, стараясь не показывать, что ее слова его заделли. – С одной стороны – ваше нежелание говорить правду, – он поднял правую руку ладонью вверх. – Здесь и то, что вы не признались про отцовский дом, который наследуете, здесь и ваш отказ признаться в том, что вы были тесно знакомы со Жнецом, – с каждым предложением он приближал ладонь к столу. – А здесь, – он указал на левую руку, – ваше заявление об изнасиловании, кстати, сделанное значительно позже факта деяния, что затрудняет сам факт его установления и...

– И? – она напряженно всмотрелась в его глаза.

– А чего вы ждете? – спросил он у нее резко, ожидая, что она скажет и про улику – найденный у Жнеца «макаров».

– Я думаю, есть, наверное, еще что-то, что позволило посадить Жнеца в тюрьму.

Игорь кивнул на свои ладони:

– Ложь пока перевешивает, гражданка Пиднель. И знаете Вы про причины убийства вашего отца куда больше, чем говорите.

Роксана встала из-за стола и резко задвинула стул.

– Разве? Тогда почему вы не посадите меня рядом со Жнецом? А? Или не допросите меня с пристрастием? Вы бы, наверное, с удовольствием применили болевое воздействие. Вы только об этом и мечтаете.

Роксана выставила ногу вперед, словно обозначив наступление, и, понизив голос, размеренно произнесла:

– Вы... Следователь, старший лейтенант! Ты думаешь, я тебя не помню?! Ты тот самый гаденыш, который посадил Мишу. Он, оказывается, внимательно следил! Кто бы сомневался. Только не получается у тебя со мной. И не получится. А Жнец сидит у вас по делу. И будет сидеть.

Она резко развернулась и быстро скрылась в дверях.

Досадуя о том, как неудачно для него, да и для дела, сложился этот разговор, Игорь все же решил, что надо поторопить экспертизу с разбором тетрадок Мнвинду: вполне может быть, тут замешан имущественный вопрос.

«А она, конечно, сука конченная, – вспомнил Игорь злой выговор Роксаны, – держаться бы тебе от нее подальше, Миша! Надо было ему вляпаться с такой бабой. И ведь наверняка думает, что его баянистка – сама чистота». Игорь выглянул в окно на тротуарную парковку и увидел, как Роксана села за руль розового купе с открытым верхом и резко тронула машину с места, подняв пыль.

Игорь Гарпунов.

Демонстрация на улице особняков.

В заявлении потерпевшей указывалось, что Жнец изнасиловал ее именно в этом доме, на улице Парк Лес (бывшая Факельная), где стояли вновь отстроенные скромные, но добротные дома. Однотипные невысокие заборы, отчетливая нумерация указывали на то, что хозяева не стремились скрывать свою «прайвеси». В довольно ранний час, когда Гарпунов подъехал к 16 дому, у его ворот стоял только один автомобиль – старый «гольф» ярко-голубого цвета.

Гарпунов, обойдя дом со всех сторон, понял, что писавшая заявление, конечно, бывала в нем.

Он оглядывал газон, где происходила «первоначальная попытка овладения мной», – трудно представить, что кто-то, даже пьяный и сжираемый страстью, даже глубокой ночью, но при ясном фонаре станет «овладевать» сопротивляющейся женщиной прямо здесь.

Когда он садился в машину, со стороны дома, утирая лицо полотенцем, появился тщедушный седой человек, одетый в тренировочный костюм, прошел мимо него к старенькому голубому «фольксвагену» и открыл крышку багажника.

Гарпунов прикрыл дверь машины и подошел к человеку, к тому времени разжегшему в багажнике спиртовку и греющему на ней кофейник.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – пожилой не выказывал беспокойства.

– Я знаю, что дом этот опечатан, а вы как-то расхаживаете.

– Я в дом не заходил, – заметил мужчина, доставая из тряпичного мешка хлеб и сыр, – там, сзади, есть кран для поливок и на пожарный случай, я там воду беру. А также туалет для проходящих рабочих.

– А вообще вы что здесь делаете?

– Живу здесь. А вы, наверное, из полиции?

– В точку!

– Ну-ну.

– Нет, мне интересно, где живете?

– В машине, у ворот господина архитектора.

– Ничего не понимаю.

– А ваши одно время интересовались. Полиция. Приезжали, пытались выкурить. Господину Жнецу не нравилось видеть меня каждый день. А ничего не сдела-а-аешь, приходится. Все по закону. Стоянка разрешена. Хотели знак поставить. А я в переулке ставить буду. Да и им самим невыгодно: тут, бывает, мно-о-ого важных машин останавливается. К нему же приезжают.

– А почему бы вам дома не жить, к примеру?

– Нет у меня его. Милостью господина архитектора. Жнеца.

– Что ж, он вас, как лиса зайца, выгнал?

– Нет, все сейчас сложнее и проще. – Мужчина со сноровкой сварил кофе, намазал хлеб маслом слоем, подразумевающим большое здоровье, откусил край булки. – Он председатель экспертного совета по историко-архитектурному наследию в нашей мэрии. Знаете, что это такое?

– Нет, понятия не имею.

– Вот они выносят заключение: дом, подлежащий сносу, имеет какую-нибудь историческую ценность или какую-нибудь другую – или нет. Я жил в доме на улице Караваяевской, туда, ближе к лугам. И там начали строить поселок особняков вроде этого. Как будто каким-то калечным военнотружущим, не знаю. Мой дом – под снос, там еще, конечно, подпало восемь других. Ну, частный сектор.

– Так что, квартиры не дали или там в очередь не поставили?

– А на кой мне квартира? Мне ее не надо. В этом доме, я точно знаю, жил еще мой прадед, была у него первая конфекционная лавка в городе. И он в этом доме рожден был, его матушка, то есть моя прапрабабка, тоже, написано, там родилась. Знаете, что такое конфекция?

– Кондитерское что-то, наверное.

– Конфекция – это кружева, манжеты, платья, юбки. Кондитерское! Пожалуй!

– И теперь вы претендуете на дом господина Жнеца?

– Плевать я хотел на его дом. Мне мой нужен был, который единственный.

– Так снесли его?

– Снесли.

Губы старика-спортсмена задрожали.

– Так ведь ничего уже не сделаешь, отец.

– Вот я ему это и напоминаю: ничего не сделаешь, все непоправимо.

Он отряхнул крошки с руки, захлопнул багажник и сел в машину на водительское сиденье. Игорь понял, что разговор закончен, и тоже пошел к своей машине. И тут, уже почти устроившись на сиденье, он все-таки поднялся и вернулся к голубому «гольффу».

Не глядя на него, хозяин машины опустил стекло.

– Извините, вас как величают.

– Семиверстов, Кузьма Егорыч.

– Кузьма Егорыч, а здесь вы машину «пежо» розовую не видели? С откидным верхом такая. У дома господина архитектора?

– Видел.

– А когда, можете вспомнить?

– Разве же вспомнишь?

– Ну хотя бы приблизительно.

Семиверстов задумался.

– Видите, первый раз мне самому негде было встать – много машин тут стояло, и на обочине, и на парковке. Что-то праздновали. Ну да, День Победы. А потом я не знаю.

– То есть не один раз?

– Ха, да каждый день. Я тут больше года кукую. Так раньше каждый вечер она здесь была.

- Она? Женщина приезжала?
- Да. Иногда они вместе. Иногда он на своей – у него неприметная машинка, «коропка», а у дамы его – яркая. Запомнишь.
- А вот как вы решили, что она его дамой была, эта женщина?
- Я не знаю. Это сразу видно. Я не претендую, конечно. Да мне и неинтересно. Но тут приглядываешься ко всему. Тоскливо сидеть!
- А если я вам ее фотографию привезу, вы сможете ее узнать?
- Попробую.
- Ну, тогда до завтра. Буквально до завтра.
- Погодите. Теперь я спрошу. А что за интерес к Жнецу? Сосед его справа – я слышал, сказал кому-то, что Жнеца посадили.
- Он просто задержан до выяснения некоторых вещей. Пока рано радоваться.
- А я и не радуюсь, – Кузьма Егорыч высунул голову за стекло, – его посадили, а я что? Мое горе ему – до кучи – будет прощено? А почему? То, что он мне причинил, гораздо хуже любых взяток. Ведь за взятки его посадили?
- Я же сказал – до выяснения обстоятельств.
- Вот выясняйте их так, чтобы он на свободу вышел. Он здесь должен быть, здесь гореть на медленном огне. Как я горю.
- И уже совсем шепотом добавил:
- Помогите, если сможете.
- Хорошо, Кузьма Егорович.
- Игорь дошел до своей машины, стараясь не оглядываться на старика.

Объявления и справки

Вниманию владельцев подвалов!

В связи с критической ситуацией с количеством грызунов в обслуживаемых многоквартирных домах муниципальное предприятие «Мегаполис» просит в период с 1 по 30 октября обеспечить доступ работников службы дератизации (уничтожения крыс и мышей) в подвалы собственников и арендаторов жилья, обслуживаемых ДЭЗ указанного предприятия.

(Газета «Улицы и кварталы», 28 сентября.)

Приглашаем мужчин в возрасте старше 30 лет для участия в танцевальных вечерах «В ритме ретро» в ДК им. Дзержинского и ДК «Медик» ежедневно в 14, 16, 18 часов.

Активные участники вечеров получают ценные призы от Центра строительных материалов «Суперстрой».

Администрация клуба «Одинокие красавицы».

(Газета «Ежедневник», 3 октября.)

Рита Бринскене.

Где-то в Англии на улице Орджоникидзе.

Итак, английский. Можно от жизни укрыться в алкоголизме, можно спрятаться на Гоа, можно нырнуть в депрессию и вынырнуть в Альцгеймере. Это все вопрос внешних возможностей. Рита Бринскене спряталась в английском. Бывают однолюбы, бывают однолюбки. Рита безраздельно отдавалась Англии, всему, что хоть как-то было с ней связано, от имен и символов истории типа какого-нибудь Генриха номером 8 до подробностей жизни манекенщицы Твигги. Конечно, английскому языку, который знала в школе наверняка лучше всех, в том числе и

Пиднеля, Роба Роя. Стихи он читал бойко, но, как говорила Рита, «воспроизводил по звуку», с какой-то записи, наверное, магнитофонной. Она больше ценила умственное проникновение.

– Как перевести «Strumming my pain with his fingers

Singing my life with his words»? – однажды спросила она у Игоря, оказавшегося рядом с ней за партой на уроке английского. Народу было мало, класс на иностранный язык делился надвое, да еще стоял декабрь, многие болели, учительница усадила их вместе, «покучнее».

– Ну... «Ощути мою боль своими пальцами, спой мою жизнь с твоими словами», – покраснев от усердия, ответил Гарпунов.

– Ужасно, да? Это стихи Норманна Джимбела, поет Роберта Флэк.

– Да слышал я ее.

– Ну да? Тогда переведи к завтрашнему дню всю песню. Сможешь?

– Но слов у меня нет .

– Спиши слова? – она засмеялась. – У меня тоже нет. А ты послушай и переведи! Я тоже.

Договорились?

Попробуй не договорись. Игорь сводил отца с ума бесконечными повторами одной и той же песни, остановками магнитофона, щелканьем клавиш, но допытывался от популярной песни нового для себя смысла. Она начинала звучать по-новому! Это же про него, про нее. Это же он, этот самый, про кого «я слышала про твою хорошую песню, я слышала, что и ты хорош».

– А можно сказать: «Я любила тебя, не увидев тебя?», – спросил он на следующее утро, когда они встретились у дверей института, куда ходили к репетитору.

– Ты про Роберту Флэк? – она прислушалась к чему-то внутри себя и просияла.

– Конечно!

– А у тебя что получилось?

– Я пришла послушать на минутку, и слушаю всю мою жизнь.

– Красиво.

– И все равно – на английском лучше! Понимаешь, больше воздуха для... мечты.

Он понимал. Они оба были детьми неволи, впервые за пределами школьного расписания оказавшимися на свободе.

Ритины папа и мама – церковный староста католического прихода и набожная домохозяйка – едва ли одобрили бы какое-то иное увлечение старшей дочери, кроме изучения библии. В первое свое посещение маленькой квартирке семьи Бринкусов в старом двухэтажном доме на окраинной улице Орджоникидзе Игорь удивился, что в квартире нет телевизора, холодильника, мебели типа распространенной тогда «стенки». На подоконнике стоял радиоприемник «Исеть» с обтянутым желтой тканью выпяченным пузом. Антенна к нему присоединилась мощная.

– «Голоса» слушаете?

– Папа. А я – «Радио Люксембург».

Книг повсюду было много, в том числе старинных, церковных, напечатанных на латыни, на литовском, изданных в дальних даях: Лондоне, Сан-Франциско, Аделаиде. Книги располагались в фанерных ящиках, поставленных друг на друга, подтонированных морилкой, с проступающей надписью «Огнеопасно».

Для Игоря было удивительно, что младшие брат и сестра Риты – Каспар и Агата – были заняты какими-то работами, вроде не имеющими отношения к собственному хозяйству. Каспар, который ходил в шестой класс, одетый обычно в клетчатую рубашку и черный галстук-«сеledку», под окном во дворе строгал и пилил – как потом оказалось, изготавливал маленькие скамейки, которых в квартирном туалете и так была целая стопа. Младшая сестра, ей не было и десяти, строчила на металлургически исполненной швейной машине «Зингер» кружевные салфетки, – все в квартире, в том числе и папиросные ящики с книгами, было застлано ими.

На салфетки были поставлены и тарелки с обедом – супом из грибов и картошки, приправленным чем-то вроде сметаны. Когда Рита, разогрев большую кастрюлю, позвала брата и сестру и Игоря за стол, дети смотрели на Игоря настороженно до тех пор, пока Рита не сложила перед лицом ладони и сказала:

– Поблагодарим Господа за ниспосланную нам пищу.

И Каспар и Агата тоже молитвенно сложили ладони и прикрыли глаза, напоследок с тревогой посмотрев на Игоря. Он – как оказалось, кстати, – еще не начал есть, только ложку взял в руку. Молитва перед едой была неожиданностью, он видел на плечиках пионерский галстук Каспара, комсомольский значок на платье Риты, наконец, слышал голоса мальчишек, играющих за окном в футбол и отчаянно матерящихся. И он тоже сложил перед лицом ладони. Дети оценили это и с радостью принялись за суп. Суп был очень вкусным.

– Сметана какая-то необычная, – заметил Игорь.

– Это не сметана, – улыбнулась Рита, – взбитые сливки. Нам приносят молоко от своей коровы. Одна знакомая.

– Прихожанка нашей церкви, – с гордостью добавила Агата.

– Да-да, – кивнула ей Рита. – Только когда старшие говорят, вмешиваться не надо.

– Извини, – Агата опустила глаза и покраснела.

«Да, непросто живется этим деткам в нашей бешеной школе», – подумал тогда Игорь. Оказалось, что непросто им живется и дома. Однажды показав детям, как играют в «угадай – не поверю», Игорь стал любимцем младших Бринскусов: они не знали никаких дворовых игр, всяких там «штендеров», «камень-ножницы-бумага», «жмурок» – мама и папа не поощряли ничего, кроме работы на церковь.

Игорь, научивший их нехитрым правилам, пожинал плоды первооткрывателя, а еще больше – вместе с Ритой составлял недостающую компанию Агате и Каспару, ведь для любой игры нужны были хотя бы четверо.

Посещения и игры на свежем воздухе, на собачьей площадке, как попросту именовали большой сквер рядом с ритиным домом, кончились однажды. Рита, уже позволявшая Игорю обнимать себя, касаться губами ее губ, держать свою руку в его руке, однажды показала ему старинную толстую книгу, которую достала, поднявшись на стул, с книжного ящика под самым потолком.

Это была библия, но какая! Полная картинок-вклеек с часто встречающимся изображением обнаженных мужчин и женщин в самых разных фазах движения, полных страстей.

– Это Гюстав Доре, – сказала Рита, открывая книгу и при этом покраснев. – Смешно, Игорь, но мне в детстве казалось, что это неприличные картинки.

– А вот это кто? – спросил Игорь, указывая на иллюстрацию с заголяющейся дамой, готовящейся к купанию, за которой наблюдали какие-то бородатые дяди в кафтанах.

– Это Сусанна. А это – старцы, – объяснила Рита.

– А чего они делают?

– Смотрят.

– Почему?

– Потому что нравится. Потому что они мужчины, а она девушка. Да ну тебя, – Рита захлопнула книгу и полезла на стул, прятать ее. Игорь подошел к ней и, поддерживая на шатком стуле, обнял за ноги. Рита не сопротивлялась, как будто даже дольше, чем было нужно, задержавшись наверху.

В этот момент открылась дверь, и в комнату вошел мужчина, высокий, как успел заметить Игорь, сухопарый, с прической «бобриком» и бакенбардами, одетый в желтую клетчатую куртку с белым шарфом поверх нее.

– Папа! – с испугом вскрикнула Рита, отпрянув от рук Игоря и в то же время ступив на пол со стула. Папа шагнул ей навстречу и без слов залепил пощечину. Рита даже не вздрогнула в ответ. А Игорь, непроизвольно дернувшийся к Ритиному папе, сказал:

– Да что вы делаете, она же девушка! Мы же за книгами... Она же...

На что папа вышел в коридор, видный через комнату, и, распахнув входную дверь, сказал:

– Вон, паршивец! Чтобы я тебя около моей дочери не видел.

Игорь посмотрел на Риту, она, краснея одной щекой, еле заметно кивнула. Игорь долго шнуровал ботинки, будто ждал какого-то другого сигнала от Риты.

– Тебе шесть часов читать псалмы, паршивка. Где другие паршивцы? – папа говорил на хорошем русском, если не считать какого-то странного «ш», будто бы среднего между «ш» и «ф», что смягчало его грозный тон.

– Они во дворе.

– Позови их. Нечего им делать в этом паршивом месте! – Отец явно был настроен к внешним объектам с критичных позиций.

– Я могу позвать, – предложил Игорь.

– Ты еще здесь? Убирайся!

Игорь увидел, что он зол по-настоящему – даже выставил вперед сжатые кулаки.

Выйдя из подъезда, Игорь подзывающее махнул рукой Каспару и Агате, которые в стороне от основной группы детей, метавшихся вокруг ободранной деревянной горки, обрабатывали шкуркой все те же деревянные скамеечки. Они быстро подбежали к подъезду.

– Вас папа зовет.

Оба втянули головы в плечи и быстро засеменили к дверям в квартиру. Агата обернулась и шепнула Игорю:

– Приходи на собачью площадку, ладно?

Игорь кивнул.

– Завтра приходи, – прошептала Агата, но Каспар дернул ее за руку, и они скрылись за дверью.

Риты не было у их английского репетитора – Нины Львовны – ни на следующий день, ни через два дня, на следующем занятии. Нина Львовна забеспокоилась:

– Сходи к Рите, Игорь, узнай, в чем там дело. Она, конечно, и так знает этот Perfect Voice как «Отче наш», но что-то мне за нее беспокойно.

«Знала бы она, что в точку попала, – с тоской подумал Игорь. – Мало человеку каких-то жизненных несвобод, например бедности, так надо придумать себе еще и кабалу небесную».

– Сходишь?

Он и так ходил каждый день, но на собачьей площадке никто из детей Бринскусов не появлялся.

Игорь мотался по скверу и утром и вечером, загребая ногами палые листья скверных тополей – хотя стоял июль, деревья росли здесь больные, сбрасывали листву рано. Оказалось вдруг, что жизнь его за какой-то месяц организовалась вокруг Риты и без нее ощущалась как пустая.

Он не выдержал и позвонил Сергею Сергеевичу.

– Сергей Сергеевич, мне ваша помощь нужна.

– Я зайду вечером, в полшестого давай.

И снова этот неприметный, сутулый, как будто даже нездоровый человек продемонстрировал свое скрытое могущество.

Он выслушал Игоря, не поднимая на него глаз, проверяя горячую интонацию на слух.

– Вот вера, Игорь, обычная человеческая вера. Вроде бы сильная штука. Но она же и слабость, понимаешь? Излишняя сила – всегда слабость. Уверен, что этот Ритин папаша чело-

век неплохой, уж во всяком случае в СС не служил, потому что семья сюда была сослана еще в сороковом. Но перебирает с верой.

Папа, прислуживавший Сергею Сергеевичу за чаем с подобострастием ординарца, наклонился к гостю, ища его глаза.

– Нерусский?

– Литовец, – протянул Сергей Сергеевич. – Ну что ж, литовцы тоже наши люди. Пока во всяком случае.

Уже на следующий день, выходя из подъезда, Игорь увидел фигуру Ритино папы, метнувшегося ему навстречу. В руках он держал кепку, желтую, клетчатую, в тон куртке, в которой его видел Игорь при первой встрече. Он широко улыбался.

– Игорь, вы не обижайтесь на меня. Приходите к нам. Маргарита заждалась. Да и я с Бирутой буду рад. Бируте – это моя жена, мама Маргариты. Меня Стас зовут, – он торопливо оглянулся. Игорь увидел – на тротуаре у дворового газона стоят «жигули» того замечательно неопределенного цвета, который производитель именовал «белая ночь» или «крем-брюле», то есть цветом, которого в материальном мире не существует. Из машины за ними внимательно наблюдали. Стас протянул руку, быстро промокнув ее кепкой.

– Будем знакомы, Игорь.

Игорь пожал большую влажную руку. Стас снова оглянулся на машину.

– Сегодня приходите обязательно, Маргарита с матерью приготовили шарлотку. Придете? А может, прямо сейчас поедим?

Игорь, направлявшийся снова помаячить на собачьей площадке, все-таки испытал неловкость от того, что его тайное намерение было предложено реализовать так стремительно и с посторонней помощью.

Увидев, что на лице Стаса тает улыбка, Игорь согласился. В машине их поджидали двое: один, пожилой, с длинными седыми волосами и загорелым лицом, сидевший на заднем сиденье, и второй, рыжий, розовощекий, пухлый, – за рулем. Они негромко поздоровались, и старый сказал Игорю:

– Садитесь вперед, молодой человек.

И потом – Стасу:

– Stasis, kur?¹

– Namо.²

– Pirmun!³

В этот день Игорь познакомился с тихой и приветливой, выглядевшей старше своего мужа Бирутой. Хотя сейчас ясно, что никого из Ритиных родителей он так и не узнал за годы знакомства, а позднее и родства.

Стас и Бирута суетливо рассадили детей и Игоря за стол, накрытый белой скатертью, осветлившей всю комнату. И, кивнув на прощание, ушли из квартиры. Каспар и Агата, не таясь, запрыгали на своих местах. Рита смотрела на родителей опасно, но тоже – было заметно – радовалась тому, что Игорь рядом. От этого он таял, как соты на солнце.

Пышному, благоухающему корицей яблочному пирогу были рады только Каспар и Агата, они ели быстро и большими кусками. Они, казалось, торопились справиться со сладостью, чтобы оставить сестру и ее гостя наедине.

Когда младшие, подталкивая друг друга, вывалились на улицу, молчание стало звучащим. Рита не выдержала его первой. Встала, подошла к радиоприемнику, включила его. Эта мелодия играла тогда повсюду – тема из «Грязных танцев».

¹ Стас, куда?

² Домой.

³ Вперед! (литов.)

– Давай потанцуем?

– Я, Рит, не умею.

– Давай-давай, попробуем, – она потянула его за руку. – Ты знаешь, что все великие танцовщики были сначала плохими танцовщиками.

Она крутнулась, подняв его руку своей, и тесно прижалась к его груди спиной. Опустила его руку на свою грудь.

Ему показалось, что отец Риты, Стасис, получив задание или грозный приказ от какого-то могущественного хозяина, приказал дочери быть нежным с Игорем. Приказ от Бога? Приказ на нежность?

Рита чуть раскачивала бедрами, она приглашала его прижатое тело к какому-то движению.

Это было похоже на Пиднеля – Роба Роя и его ослепительную партнершу.

Это было невыносимо. Потому что он не хотел чужого танца.

«She's the sun, she's the rain,

She's the master of the game»⁴, – вспомнились любимые стихи Риты.

Игорь освободился от руки Риты, прижимавшей его горячую ладонь к своей груди. Он отпрянул от ее спины, попятился, сел на стул.

И вот, когда все препятствия на пути их близости были посторонним образом устранены, оказалось, что они были не главными, эти препятствия. Он не мог не приходить, она не могла не ждать его, не радоваться ему, но какая-то безоглядность, существовавшая в их тяге друг к другу, пропала. Она, может быть, ждала решительности от него, он, наверное, большей открытости от нее.

Он попробовал сломать эту невидимую стену, когда уже закончились и занятия с репетитором, и их вступительные в университет, и первые месяцы учебы на запланированных факультетах – юридическом, филологическом, когда нештатным выходным днем 7 ноября они сидели у Риты дома.

Слушали музыку. Западные радио, вещавшие на СССР, традиционно заполняли дни советских праздников подобранными со вкусом музыкальными программами, «делали перфектно», как говорил Стасис. Что там играло тогда? «Forever young» Alphaville, «You came» Kim Wilde, «Who*s that girl» Madonna.

Помнится, надо же!

Игорь и Рита сидели на полу, устроив сиденье из кроватных подушек в расшитых крестом наволочках, низкое солнце ноября уложило на половицы яркие пятна с перекрестьями окон, в комнате было тепло, пахло недавно сваренным кофе, голоса Каспара и Агаты по временам слышались во дворе, родители до позднего вечера ушли в церковь.

Они только что наелись вкусных котлет, досыта, сколько хочешь – не такое уж частое удовольствие. Не в честь октябрьской революции, а в честь того, что накануне Стасис и Бирута принесли целый мешок парной свинины – Ритин отец был, да и остается большим мастером по забою свиней. Теперь допивали кофе, Игорь потянулся через Риту к ближней коробке-тумбочке, чтобы поставить чашку. Он случайно коснулся тыльной стороной ладони ее груди, тут же ощутил дух летнего тепла от ее близких волос и развернул ладонь, погладил грудь, прижался к ее губам своими.

Рита поспешно поднялась с пола.

– Бог с тобой, Игорь, напугал.

Она подошла к приемнику, сделала музыку громче.

– Бог со мной. А с тобой тоже?

Она промолчала, взглядываясь в зеленый глазок старомодного приемника.

⁴ Она – солнце, она – дождь, Она – все в этом мире. (англ.)

– А когда он с тобой?
– Когда бывает кого-то жалко. Или когда стыдно за что-то, например, когда совершь от страха. И это тебя мучает.
– Тогда он не со мной, Рита.
– С тобой. У тебя бывает так, что ты встречаешь что-то и тебе кажется, что это ты придумал?
– Например что?
– Ну, какие-то слова, не знаю, картины, музыку.
– Не знаю. Я только в одном случае думаю о Боге, Рит. Когда слышу музыку. Ты говоришь – стыдно... Бог – это не боль, это не наказание. Это что-то совсем другое. Мне кажется, это музыка. Ну, не всякая, конечно, не эта, из телевизора. Бог разговаривает через музыку с самого начала, с самых первых людей! Она растворена в воздухе, ее каждый может услышать, а слышит один. Один из тысячи, из тысяч! Бах ее слышит. Нет, ты подумай! Все все строят из жизни, из плоти. Строитель, он строит из камня, дерева, писатель, даже если абсолютно все придумал, он все равно строит из чего-то, что видел, что слышал или чувствовал. То же и совесть, Ритка, – это тоже только страх наказания. Тюрьмой, болью... И остается только... Ты подумай, ведь мелодия – она приходит какому-то человеку ниоткуда, избранному человеку. Кто-то или что-то позволили ему услышать. И вот этот кто-то и есть бог. В этом качестве его существование никто не оспорит.

Игорь встал с пола, и Рита повернулась к нему.

– А как же ноты? Ноты – это тоже знаки Бога?

– Нет, это уже земное. Это придумал кто-то совершенно земной. Как пастырь церкви, только не такой церкви, как та, куда ходят твои родители. Этот пастырь услышал музыку и решил, что надо, чтобы голос Бога слышали другие. И придумал ноты.

Рита подошла к нему и взяла его руки в свои.

– Тогда мне ясно, кто были апостолы и кто святые. Святые – это те, кто слышит этот голос. Это Моцарт, да, Алессандро Марчелло, Чурленис? Апостолы – те, кто придумал ноты, голоса инструментов.

Она поцеловала его руки. И это опять было не тем жестом, к которому он был готов. Он освободил свои руки. И посмотрел во двор.

– Да, – сказала Рита торопливо, – темнеет, надо ребят домой звать.

И в тот вечер, и дальше, пока Игорь не сделал Рите предложения выйти за него замуж, они тянулись друг к другу, но с такой размеренностью, какая обычно бывает у мужа и жены, проживших вместе не один десяток лет, когда страсть и нежность уже не являются самыми сильными двигателями сближения.

Возможно, это была борьба, отстаивающая право каждого ждать первого шага от другого, но после этого ноябрьского вечера Игорь перестал приходить в дом на Орджоникидзе. И Рита, до того частенько поджидавшая Игоря после занятий на скамейке у корпуса юрфака, больше там не появлялась. Что особенно удивительно, что Игоря это не угнетало. Более того, он с тайной радостью открывал для себя новый уровень свободы взрослого мира. Не оставляли времени для сердечных мук походы в пивбар с компанией сокурсников, игра в футбол и баня по воскресеньям, репетиции в студенческой рок-группе, поездки в летний институтский лагерь в Геленджике, где Игорь получил и первый сексуальный опыт с женщиной по имени Марина, женой моряка дальнего плавания, работавшей в их лагере медсестрой.

Но вдруг на третьем курсе, поднявшись от гриппа, свалившего его на две недели сырого и ветреного марта, Игоря могуче потянуло к знакомому двухэтажному дому. Наверное, еще не отпустившая его горячка вела его к Рите безоглядно. А может, болел он по-настоящему тяжело, потому его инстинкт выживания тянулся к тому, кто его пробуждал. К Рите.

Знакомый дом темнел набухшим водой камнем, капель стучала по жестяным откосам окон так, что перекрывала крики ворон, ругающихся в собачьем сквере. Дверь в квартиру Риты была открыта, из нее в темный подъездный коридор проникал свет. Ему было страшно войти в квартиру. Он постоял, послушал, но тишина растревожила его еще больше.

Наконец, поняв, что стоять тяжело, Игорь вошел внутрь. Пустые коробки из-под книг, сломанная табуретка, груды тряпья, пустые бутылки, даже книги – сплошь школьные учебники – все указывало на то, что здесь не живут, что не живут уже довольно давно.

Унимая озноб, Игорь постучал в соседнюю с Бринскусами дверь. Ему открыла пожилая женщина с вязанием в руках, едва на него взглянувшая, продолжавшая какой-то подсчет.

– Уехали. Совсем. На родину, там же теперь свое государство! – не дожидаясь вопроса, сообщила она с обидой в голосе.

– Здравствуйте, – только и сумел сказать Игорь.

Она уже закрыла дверь, потом снова ее распахнула и посмотрела на него внимательно.

– Ты же вроде к старшей дочке ходил, к Рите? Хорошая девочка! Так она осталась, она в общежитие переехала, потому что квартира-то у них была от ЖЭКа, ведомственная, ему как дворнику предоставили, – она теперь смотрела на него, наблюдая, как меняется, наполняется краской, его лицо.

Когда через полчаса Игорь, не обращая внимания на соседок по комнате, отчаянно обнял Риту в комнате университетского общежития, он обнял свою воскресшую надежду, но никак не объект желания.

Кажется, Рита это понимала, потому что на его предложение выйти за него замуж спросила:

– А ты уверен, что хочешь этого?

Он хотел, а ближе к намеченной свадьбе уже мечтал и о том, что Рита имела в виду. С неожиданной активностью к свадебным хлопотам подключился отец Игоря Геннадий Иванович, которому Рита была представлена как невеста и которому она очень понравилась.

Уже через пять минут после ее прихода к ним в квартиру Геннадий Иванович собрал на стол закуску, где была и дорогущая колбаса, и сыр, и невиданные прежде об эту пору помидоры и огурцы. Да и то, что он говорил без умолку, указывало на то, что он хочет произвести впечатление.

– Кушайте, Риточка. Это витамины! Вот смотрите, помидорка красного цвета. Это указывает, что в ней каротин. Это провитамин А, – пододвигал тарелку Рите папа.

– Да что ж вы колбаску-то не докушиваете?

– Она докушивает, папа.

– Да разве это докушивает? Давайте я вам еще положу и сырка. В сыре важное место занимает витамин Е, его еще называют витамином молодости. На это указывает большой процент сухого вещества.

– Папа, а большая грамотность – она на что указывает?

– А вот юмор неуместен. Знания еще никому не помешали.

Рите папа показался забавным, она смеялась. Когда они вышли из дома Рита предположила, как звучало признание Геннадия Ивановича в любви.

– В вашем лице важное место занимают глаза, а также рот и зубы. На это указывает, что оно мне нравится. Так он, наверное, говорил твоей маме?

Игорь с досадой думал о том, что он и такого признания Рите не сделал. Хотя, конечно, он хотел узнать и почувствовать, какое важное место в ней занимают ее грудь или попа.

Виделась ему в этом злая атмосфера Ритино дома, пропитанного церковными ограничениями, которая странным образом заразила и его. И этот-то дом, эта квартира стали на несколько лет местом, где они провели первые годы семейной жизни.

Такого, конечно, не предполагалось сначала: Геннадий Иванович сразу после знакомства с невестой сына предложил, чтобы после свадьбы они поселились в их однокомнатной квартире, а он бы ушел жить к Изольде Семеновне, которая давно предлагает ему сойтись. Изольда Семеновна, как и прежде понимал Игорь, была больше чем соседка, и она впрямь появлялась при каждом посещении Ритой их квартиры. Смотрела приветливо на Игоря и пытливо – на Риту.

– А вы какого же вероисповедания будете, Рита?

– Никакого, – со вздохом отвечала Рита.

– А родители? – настаивала на развитии темы соседка.

– Католики.

– Секта? – оборачивалась к Геннадию Ивановичу Изольда.

Игорь с закипающим раздражением на отца, уже успевшего навести справки, обрывал и наседающую с открытым любопытством соседку:

– У нас религия отделена от государства.

– Да-а-а, – тут же откликнулась Изольда, – у нас все отделили, теперь государству на все насрать. Извините, Риточка, но вы же неверующая, нам можно в сердцах и крепким словом приложить.

И к подготовке свадьбы она проявляла неизменное любопытство, хотя помогать не вызывалась. Да и Геннадий Иванович с интересом слушал рассказы Игоря о том, какую нашли столовую, сколько заплатили, какие продукты и где заказали, но потом обязательно говорил:

– Жаль, я-то сейчас не у дел, зарплату задерживают за полгода, паразиты. Ох, жаль.

Сергей Сергеевич – вот кто опять-таки все принял на себя. Конечно, он не делал горячо заинтересованного лица, просто оплатил продукты и вино, аренду столовой, предложил машину для подвоза продуктов и красивую новую «Волгу» для свадьбы.

Про расходы сказал:

– Это мой подарок на свадьбу. Отказываться нельзя! Кто-то подарит на свадьбе, а я – до нее. Вы же меня на свадьбу приглашаете?

Конечно, пригласили! Только он не пришел. И Изольды Семеновны не было, и от Риты никто не приехал, хотя телеграмму-приглашение послали всем Бринкусам.

Зато было так весело в отсутствие ритуалов и всяких почетных гостей: пили, ели, танцевали, инязовские подруги Риты приготовили целое костюмированное представление, где все переоделись в мужские костюмы и разыгрывали состязание женихов за руку прекрасной Маргариты.

Уже за полночь, открывая квартиру Геннадия Ивановича, которую накануне скребли, мыли, чистили Ритины подруги, молодожены увидели сначала свет, а потом – Геннадия Ивановича, уже переодетого в пижаму, расправляющего свадебное ложе.

– А я пораньше вернулся, чтобы тут вам все приготовить.

– Папа, тут и так все готово.

– Ну да, ну да. Так что ложитесь. Игорь, Ритуля, я вам не помешаю.

– Ты же должен был у Изольды Семеновны остаться.

– Должен был! Да! Но поссорились! Взбеленилась на меня, старая кочерга, вишь, даже на свадьбу не пришла, считает, что я на ее жилплощадь нацелился. Она, вишь, старше меня на восемь лет. Что мне, на вокзал идти, сынок?!

– Ну тогда мы пойдем, – сказала Рита, поворачиваясь к дверям и понимая, что идти совершенно некуда.

– Ложитесь, не блажите, Игорь, Ритуля. Свет выключим, шторы задернем, ничего же не видно. Я тут, в углу, на диванчике, вы на кровати – места хватит.

– Если это случится однажды, так будет всегда, – тихо произнесла Рита.

– А как в старину жили? – вскрикнул Геннадий Иванович. – В одной избе и мать, и отец, и зять, и деверь, и золовка – и ничего, детей рожали, а те – других.

– Ладно, – прервал его Игорь, – выключай свет. Давай, Рита, под одеяло.

Геннадий Иванович проворно повернул выключатель и улегся лицом к диванной спинке, да еще и голову одеялом закрыл. Он захрапел с той быстротой и размеренностью, которая выдает человека не спящего, но желающего таковым казаться.

Рита отрешенно сняла с головы венки с фатой, покрутила его в руках и, посидев недолго на краю запроваженной постели, откинулась на спину. Игорь остался в рубашке и брюках и тоже лег на спину рядом с женой.

Он осторожно нашел своей рукой Ритину и мягко ее пожал – она ответила ему тем же пожатием. Он почувствовал, что она не злится, не досадует, и ему от этого тоже стало легко. Сколько еще таких, нет не таких, а вообще других ночей, ночей наедине у них будет, стоит ли досадовать, что одну у них украли. Он пожал ее руку снова, только два раза подряд – она ответила тем же. Так, отвечая друг другу, обещая друг другу, понимая друг друга этими неслышными пожатиями, они лежали без движения несколько часов, замечая, что и Геннадий Иванович не спит, и отмечая все его беспокойство тоже только этими пожатиями рук. А отец Гарпунов и впрямь не спал, уже и не храпел, не постанывал, демонстрируя полное погружение в сновидения, а лежал тихо и неподвижно, вероятно опасаясь пропустить малейшее движение на близкой кровати молодоженов.

Уже в утренних сумерках Геннадий Иванович приподнялся, повернулся в их сторону и, белея измятым лицом из-под одеяла, как суфлер из будки, прошептал со свистом:

– Игорь, еби , еби ее!

Сдержав приступ хохота, Игорь понял, что и Рита, больно сжавшая его ладонь, тоже сдержалась от смеха с трудом. Но они сдержались и ни одним шорохом не откликнулись на отчаяние Геннадия Ивановича.

Промучившись без движения еще полчаса, они безмолвно встали, оделись и пешком отправились на улицу Орджоникидзе. Там, среди разрухи и пыли, в комнатах с незакрывающимися дверями, они наконец занялись любовью – так страстно, словно до этого целую ночь ласкали друг друга, оттягивая нарочно сам момент соединения.

Михаил Пиднель – Игорь Гарпунов.

Жму вашу руку.

Как и предполагал Гарпунов, попытки дозвониться по четырем номерам телефонов, зарегистрированных на Пиднеля, ничего не дали: либо включалась переадресация, а за ней – отбой, либо включался автоответчик. Подождав ровно день – а вдруг позвонит, увидев незнакомый номер, – Игорь установил через Дугина, что Пиднель границы России не пересекал, авиа- и железнодорожных билетов на даты последних двух недель не покупал. Тогда он решил просто встретить Михаила у его собственного дома. Дом этот, с виду обыкновенная двенадцатиэтажка, построенная на окраине города у нового стадиона, отличался вблизи аккуратностью фасада, исполненного кирпичом бежевого цвета, и мощными подъездными дверями.

Игорь, сидевший в служебной машине на платной парковке рядом с домом, обратил внимание, что жильцов, как это часто бывает в новостройках, обитало в доме немного – из всех трех подъездов от семи до восьми утра вышло шесть человек, в том числе Роксана, которая села в яркий автомобильчик-кабриолет, с крышей по случаю мелкого дождя, и резко стартовала в неизвестном направлении.

«И ведь опять Михаил не знает, куда поехала его жена, – подумал Игорь. – Не то плохо, а плохо, что я не знаю – куда».

Он не ошибся – потому что через какие-то три минуты из подъезда вышел Михаил Пиднель и направился к стадиону: конечно, она могла бы его подвезти, расстояния тут, в спальном районе, большие. Роб Рой по сравнению со школьными временами показался тоньше, стройнее, вообще – меньше, хотя пружинящий шаг «по-балетному» и прямая осанка оставались фирменными. Темный английский костюм придавал ему сходство с чиновником, а голова, остриженная наголо, поблескивала очень спортивно. Даже атакующе.

Игорь вышел со стоянки ему навстречу и протянул руку.

– Здравствуй, Михаил.

– Здравствуй.

Пиднель на рукопожатие ответил, но не остановился – будто они по-соседски встречались каждый день. Гарпунов окликнул его:

– Пиднель, я к тебе по делу.

Тот не остановился, даже не оглянулся, пришлось Игорю догонять его и говорить на ходу.

– Я веду следствие, Михаил, по делу об убийстве твоего тестя, Ивхава Мнвинду.

Михаил кивнул.

– Да подожди ты, постой. Есть реальная угроза для твоей жены.

Пиднель остановился.

– Слушаю внимательно.

– Я хотел спросить... О многом, вообще.

– Например.

– Ну, например, Миша, кто был врагом твоего тестя? Или мог быть им?

– Я не хочу обсуждать свои личные дела.

– Ты хочешь, чтобы я вызвал тебя повесткой?

– На здоровье. Я все равно не приду. Ты сказал, что Роксане что-то там угрожает.

– Да, у меня есть основания считать ее причастной к гибели отца.

– Интересно. Надо так понимать, что она его убила?

– Нет. Можно убить чужими руками, подтолкнуть, наконец, довести до самоубийства.

– Вот как. Он, насколько я помню, был все же убит, а не сам себя жизни лишил.

– Да. Ты понимаешь, о чем я?

– Нет.

Они стояли на тротуаре под морозящим дождем, и Игорь предложил:

– Давай сядем в мою машину.

– На здоровье. Но без меня, – Пиднель снова двинулся дальше.

– Стой. Давай здесь поговорим.

Пиднель повернулся к Гарпунову.

– Про жену, – напомнил Михаил.

– Да. Ну вот смотри, говорю совершенно откровенно. Убит ее отец, и она сразу указывает на убийцу. Причем этого убийцу она знала и прежде.

– И что это доказывает?

– Ничего само по себе. Но вот я думаю: почему, когда ее изнасиловали, – я извиняюсь, – она обратилась к своему отцу, а не к своему мужу?

– Допустим, о таких вещах как раз удобнее сказать отцу, а не мужу.

– Но ты бы узнал все равно.

– С какой стати?

– Потому что ты муж. Потому что ты же видишь, что с ней что-то не так. Потому что ты молодой, сильный, влиятельный, ты можешь сделать так, чтобы насильник понес наказание законным способом.

– Ерунда. Ничего бы я подобного не захотел бы.

– Почему?

– Потому, почему не хотел с тобой встречаться. Моя жизнь и жизнь моих близких – мое дело. Сами разберемся.

– Поэтому она несет заявление не сразу, а после того, как убили отца.

– Да.

– Но что мог сделать ее отец со Жнецом, чем старик мог ему реально угрожать, так, что его пришлось убивать?

– Ивхав, он же Иван или Ганс по-европейски – он много чего мог. Вот, скажи она, к примеру, мне о своем горе, что я сделаю? Я приду, набью морду, не знаю, покалечу этого насильника, и первым окажусь за решеткой. Ваш брат и доказательств не стал бы собирать – я судимый именно по этой, хулиганской статье. А Ганс... Ты помнишь сказку про крысолова?

– Нет.

– Ну тогда представь, что однажды в твоей квартире совершенно неожиданно появляются все крысы, мыши, кроты, а также их мутанты из канализации. При этом если какая-нибудь полиция или прочие сыскные приходят – они быстро сматываются. Представил?

– Ну вот, сам говоришь: сказка. Ты же артист, танцор, богатая художественная натура.

– Была такая сказка. Но про то, что отец Роксаны мог такое устраивать изо дня в день, это точно.

– Ты сам видел?

– Нет. Но он за этот увод грызунов получал зарплату у муниципального хозяйства.

– Ну, это не аргумент. Вот уж кто вообще ни за что деньги берет и отдает, так это коммуналка.

– Я только одно знаю, что если бы мне такое нашествие грызунов организовали пару раз и я бы знал, кто это делает, я бы его точно убил. Представь теперь, я, например, этот насильник, я пришел и сказал бы ментам: крысы в кровать залезают, птицы заклеивают. Что бы мне мусора сказали?

– А что, и птицы могли напасть?

Пиднель пожал плечами.

– Не знаю.

– Как у Хичкока, а, Миша? Теперь послушай меня в духе реализма. Кое-что нашли, связанное с твоей женой, у этого подозреваемого, Жнеца Константина. Ты его знаешь, кстати?

– Нет. Откуда?

– Ну, город у нас маленький. А он известный строитель, архитектор, популярен среди богатых. Рисовал проекты особняков.

– Я-то не из их числа. Живу в квартире, ты сам знаешь.

– Ну-ну... Так даже не видел его ни разу?

По мелькнувшей искре в глазах Пиднеля Игорь понял – видел.

– Видел пару раз.

– Так вот, Миша, все же должен тебе сказать, что мне не нравится эта история.

– Мне тоже.

– История Жнец – твоя жена – твой тесть.

– Ты сказал, что кое-что нашли.

– Знаешь, он был, видно, хотя почему был – и остался – любителем красивую девку в постель затащить. Но это бы ладно. Так он еще снимал свои кувырки на видеокамеру, я так понимаю, скрытую. И в одном фрагменте он снят с твоей женой.

– Это что, может быть использовано как доказательство против Роксаны? – помолчав, спросил Пиднель, – я слышал, что такие пленки не служат доказательством.

– Вот теперь ты меня очень удивил, – тоже не сразу сказал Гарпунов, – это что, тебя волнует в первую очередь?

– Да. Конечно.

– А то, что у твоей жены был секс с человеком, на которого потом она указала как на насильника?

– Прости, это не твое дело.

– Мое! Теперь мое. Потому что сообщаю тебе – она была довольна этим сексом. Никакого насилия! А если и было – к обоюдному удовольствию. Ты уж извини. Да я бы на твоём месте тут же пошел бы и убил его, ее, не знаю, всех бы убил. А ты спрашиваешь про доказательство.

– Начнем с того, что мы по факту не в браке. Ты дозвонился мне с третьего раза потому, что я все время в разъездах. Поэтому интересоваться тем, с кем бывает моя жена, бывшая жена, не в моих возможностях.

– Тогда почему ты впрягаешься за нее, когда я тебя позвал? Она тебе ставит рога.

– Она мне? Тут все было иначе, инициатором разрыва был я. Если это требует подтверждения, я живу с моей подопечной, Эльвирой Аптуллиной, ее буквально вчера показывали по ТВ, она заедет сюда за мной, можешь полюбоваться.

– Значит, по-прежнему благородный разбойник Роб Рой?

– Не знаю насчет благородства. Но думаю, что и видео это ничего не доказывает. Когда оно было сделано? Если до факта изнасилования, то одно другому не противоречит.

– Да-да. Если после изнасилования – тоже ничему не противоречит. Могло ей и понравиться. Тут дело не в этом. Что-то теперь мне и с тобой непонятно, Роб Рой. Сначала: не лезь в мою личную жизнь, потом – она, оказывается, и не личная. Я одно могу сказать, Миша: ты в этом деле не посторонний, как-то ты *подхомутан* к этому убийству. И полагаю, так, как обычно: стоишь в стороне, а вокруг тебя все потоки завихряются, камни летят, пули свистят.

– Вот, смотри, и Эльвира. Ты не возражаешь, если я пойду? Или еще что-то?

– Нет-нет. Не получается у нас с тобой откровенности.

– Нет, ты давай, ищи, вынюхивай, а не откровенности добивайся! Работай!

Эльвира, если это была она, подъехала к самым подошвам Пиднеля, вышла из машины и открыла перед ним заднюю дверь. Даже если бы она была мужчиной, то и тогда бы мужчиной непривлекательным. Монголоидное лицо с узкими близко посаженными глазами, маленький тонкогубый рот, широкий подбородок дополнялись атлетическим торсом. На Игоря взглянула сурово, слегка сощурилась глазами.

«И от красавицы, видно, можно устать, раз он после Роксаны с явным трансвеститом сошелся» – решил, глядя вслед машине, увозившей спортсмена и спортсменку, Игорь.

Римма Косуля.

Упражнение на растяжку.

Никто больше Риммы Косули, врача физкультурного диспансера № 2, не мог знать, как много мотивов было для того, чтобы ее бывшего мужа Ивана Мнвинду убили.

Когда ей позвонили из полиции и попросили приехать на опознание тела по адресу: Николаевский проезд, 12, она почувствовала знакомое: холод сиротства и жар злорадства. Холод и жар. Как обычно, как в первые дни знакомства.

Он появился в их больнице так, что об этом узнали все и сразу. Диспансер располагался на двух этажах городского пятиэтажного дома, причем первый и основной этаж был подвальным: залы гимнастики, физиолечебница, залы свето- и грязевых ванн. Удобство инженерного проекта состояло в близости к канализационному каналу, лежащему прямо под их подвальным блоком. Неудобство этого решения – в близком соседстве с царством крыс, которые перегрызали электропроводку, обесточивая лечебницу прямо в разгар отпуска процедур, бегали поодиночке и в стаях по линолеумному полу, создавая шум постукиванием когтей, разгрызали без малейшего для себя вреда пакеты с запасами минеральной соли, а то и медикаментов более серьезных.

В тот день с утра не заладилось – была пятница, – и мать за завтраком спросила:

– Римма, какие планы на вечер?

Она ответила:

– Никаких.

– Ты запираешь себя в четырех стенах – неудивительно, что Ефим в конце концов отвернулся от тебя.

– И слава богу, – сказала Римма и хлопнула дверью.

Полумифический Ефим и не поворачивался, а был силой повернут к ней маминой подругой и его мамой Рахиль Шаевной, в результате чего они сходили вместе в кино. Инженер-конструктор из машиностроительного НИИ и врач-физкультурница, тяготящиеся собственными неясными – во всех смыслах – перспективами. Хорошо, что в кино не нужно разговаривать, и можно было разглядеть его профиль, будто исполняющий такое действие: нос нюхает верхнюю губу. Римму он не рассматривал.

Продолжилось в поликлинике: сразу убежал поставленный кофе, залил электроплитку, зачадило жареным, – естественно, ожил аппетит крыс, потому что когда она начала занятие с группой, вдруг заискрилась розетка, в которую был включен проигрыватель, – ясно, не без участия крысиных зубов. Римма бросилась выдергивать вилку из розетки и получила удар током, от которого ее отбросило в сторону, и она упала на спину. Погас свет. Люди – по преимуществу женщины в возрасте и в теле – разом вскрикнули. Кто-то сказал: «Тренера убило!» И тут же завыл. Открылась дверь в темный коридор, раздался крик: «На помощь, тренера убило!»

Римма попыталась подняться, но, выставив руку для опоры, наткнулась на чей-то мягкий живот, услышала еще один вскрик, откинулась назад.

И тут над головами вспыхнула зажигалка, осветившая лицо невесты откуда взявшегося мужчины, смотрящего прямо на нее.

– Вставайте, – он протянул руку именно ей. Она поднялась, рука у него была сухая и сильная.

– Кажется, крысы проводку перегрызли, – сказала она незнакомцу. Бабы обступили их со всех сторон. Он не сразу ответил, также разглядывая ее, подсвечивая при этом.

– Крысы.

– Вы на занятия пришли? Как ваша фамилия?

– Моя фамилия Мнвинду. Пришел на работу.

– А-а. А кем вы работаете, не электриком?

– Могу. Но вам не электрик нужен. Вам я нужен.

Это было абсолютной правдой.

На следующий день он пришел уже в халате санитара на занятие в группе и, несмотря на ее бурные протесты, занял место на гимнастической скамье в углу и неотрывно наблюдал, как 45 минут оздоровительных упражнений она извивалась, гнулась и подпрыгивала. Еще через день он позвал ее из зала в коридор и показал в дальний угол коридора лечебницы: там словно большая перекрученная серая змея из тысячи крыс, посверкивая множеством вкрапленный-глаз, ползла из откинутой крышки распределкоробки по стене, полу, дивану, подоконнику в приоткрытое окно – и не было этой темно-серой змее конца. Был слышен писк, ровный и звонкий перестук когтей.

– Они уходят совсем, – сказал Римме ее будущий муж и положил ей руку на плечо.

Она испытала тепло и холод. Холод восторга и тепло тошноты.

Константин Жнец.

Можешь нарисовать дождь?

Придумывание способа казни для своего обидчика в минуты боли – занятие, конечно, отвлекающее, но пока боль не слишком. Но кому желать казни? Он оказался здесь, в этом городе, в среде, с самого начала бесконечно благоприятной.

Начать с того, что, житель мегаполиса по рождению, Жнец совершенно не понимал стремления народных масс страны к остолочиванию, особенно в те годы, на которые пришлось его взросление. В конце 80-х еще недавно образцовые московские витрины пустели или заполнялись однообразными банками, например, горчицы, а улицы из-за частой, но удивительно однообразной смены вывесок напоминали воткрытую тасуемую шулером карточную колоду.

Беспокойство родителей во время поступления Жнеца в архитектурный по поводу его слабого рисунка оказалось напрасным – конкурса в тот год не было. Или, может быть, конкурс в пять человек на место никто конкурсом не считал.

Вообще, ничего прежним образом не считалось, ничего не было всерьез: главным было ниспровержение авторитетов, разгон застоявшейся крови. Герой тех дней седовласый коммунистический пастырь, разом отрекшийся от веры, которой служил всю жизнь, грудью прокладывая теперь дорогу всем нарушителям правил. Вирус декаданса, и так витающий под академическими сводами творческих вузов, поразил теперь не только студентов и студенток, но преподавателей, в том числе так называемых общих дисциплин. Преподаватель философии, например, приводил на лекции известного телеведущего-заклинателя, который молча транспортировал содержание лекций в головы студентов. На занятиях математикой огромная аудитория смотрела видеолекцию на экране небольшого телевизора. Походы в академические музеи по истории искусства заменили на созерцание живых фигур, исполняющих роли великих художников, или их персонажей, неизменно ободранных, местами заголенных, это являло собой новое неформальное искусство.

Мерилом профессионального успеха была своя линия, свой цвет, свое чувство композиции. Что как раз и не было для Жнеца, не отягощенного академическим образованием, – даже художественной школы не заканчивал, – какой-то проблемой.

Поэтому экстравагантные задания преподавателя по живописи Павла Ильича Скунсова типа: «Можешь нарисовать дождь?», песня тогда такая была, или: «Покажи его изнутри», выполнялись Жнецом без лишней смуты в душе.

К своим девятнадцати годам он все-таки был очень практичен в отношении к жизни: не верил, например, что вся эта кутерьма, якобы являющаяся ответом на обретенную свободу, – проявление демократии в учебном процессе. Так, он заметил, что гуру, сидящий на философии, принимает заказы на внеаудиторную сдачу экзамена за плату. Видеолекции в форме копий на кассетах – тоже торговая лавочка доцента, причем платить в валюте можно было в три раза дешевле официального курса, перфомансы голых сухопарых девушек – реклама частной сауны, а все вычурные задания преподавателей живописи продиктованы простым нежеланием работать: если можно не корпеть с каждым студентом над цветом и композицией – зачем корпеть?

Отчасти это было следствием столичного сознания, во всем видящим практический смысл. С малых лет Жнец был уверен, например, что праздник 8 Марта придумали азербайджанцы – торговцы цветами, а про комету, которую можно наблюдать в сумеречном городском небе, пишут газетчики, подкупленные бандой карманных воров. Одни смотрят, тычут пальцами в небо, вторые шарят по их карманам.

И когда в институте толпа сокурсников отправлялась в историко-парковые зоны на летучие выставки самых-самых независимых художников, чтобы и модные направления не пропустить, и свое что-нибудь на продажу сделать, Жнец оставался в стороне. Он искал не столь уж обильные в то время объявления с приглашением на работу учеником или помощником в реставрационные мастерские: ему не хватало самых первых шагов в рисовальном и живописном деле. Так он напросился в бригаду, занимавшуюся реставрацией фресок Успенской

церкви – старшей церкви Новогорского мужского монастыря, в которой работала Катя Румянцева, учившаяся на курс старше. Приметная среди богемных студенток своим видом: косынка, повязанная на самые глаза, пальто или платье чуть ли не до земли, она особенно ни с кем не дружила. Говорили, что она монахиня, что ей на занятия живописью дал благословение чуть ли не патриарх, но ясно было, что если по реставраторским делам к кому и обращаться, то точно к ней.

Перед последним экзаменом летней сессии Жнец дождался Катю у доски с расписанием экзаменов.

- Извини, я слышал, ты в мастерской реставраторов трудишься.
- Мастерская – это только называется, работа все больше на улице.
- А не нужен вам там человек на подмогу?
- Да справляемся.
- А я на самое тяжелое, таскать, поднимать.
- Такое вроде есть. Но там тяжело.
- Ты можешь поговорить со старшим?
- Поговорю.
- А телефон у тебя есть?
- Нет.
- Запиши мой.

– Нет. Лучше так. Я завтра часам к 12 дня оставлю записку у вахтера, а ты после этого придешь, прочитаешь. Если Ничегов, это реставратор, тебя возьмет, то завтра в ночь – поезд.

Ничегов взял. И хотя впоследствии ни особых претензий, ни одобрений Жнец от него не слышал, знал: знаменитый художник ни его, ни его работ терпеть не может. Интонация всего одного разговора многое прояснила.

Кроме Ничегова в бригаде работали еще два художника: Алексей и Слава, которые называли себя один альфрейщиком, другой столяром, и Катя, которую ставили и на стройку, и на столярку, и кашеварила она, и в вагончике, который во дворе церкви оставили реставраторам строители, подновлявшие фундамент и наружные стены, наводила порядок.

В церкви восстанавливали притвор, паруса храма, купол и барабан. Архитектура была очень неброской, обычный восьмерик на четверике, сферический купол, невесть когда крытый медью. Архетип 17 века, тихое отрицание глубинным богостроем елизаветинского рококо. А вот нутро было интересным и по строительному исполнению, и по росписи. Это было похоже на самого Ничегова и других его людей: снаружи они были сдержанны и молчаливы, но внутри доброжелательны и открыты.

Работа состояла по преимуществу в обследовании больших пространств росписи на предмет утрат, которых было, конечно, много, в том числе крупных, заметных с пола. Но краски вообще не фигурировали в работе этой группы. Изнурительное отмывание сначала мылом и беличьими флейцами, от которой они вытирались долыса. Просушка с многократным залезанием под своды и проверкой под линзой живописного свода. Потом еще одна промывка, раствором нашатырки. Просушка. Обследование с линзой. Кое-где, ниже, где полусферы нефов переходили к стенам, на одной из сторон престола Иеговы, на изображении Луки-тельца, где краска вздувалась по центру изображения. Там Ничегов сам сверлил тонкий ход, в который шприцем закачивал клей.

Ко второй неделе Жнец заскучал, тем более что перерывы в работе были приличные, а погоды не было совсем. О красках и живописи он пытался заикнуться:

- Когда художественная работа начнется?
- На что получил резкий и неожиданный ответ Ничегова:
- Художник всегда один. Первого слоя. А следующие маляры.
- Этюдник пылился в углу вагончика, клуба не было, телевизора не было.

Как-то не по-летнему темным вечером, сидя в рассчитанной на два посадочных места уборной-скворечнике, проклиная сухомятку и бедность деревенских харчей, Жнец услышал, как дверь в уборную отворилась, на мгновение промелькнула чья-то фигура и устроилась по соседству, на ближнем к двери насесте. Послышался шелест одежды, звук падающей воды, мягкие шлепки где-то глубоко внизу и через мгновение – негромкий, но отчетливый голос Кати:

– Ну вот, бумагу забыла.

На что Жнец по доброте душевной откликнулся:

– Возьми, мне, кажется, не понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.